РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

1 (16)
весна – лето
2012

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

К 125-летию со дня рождения В.А. Иванова

От редколлегии. Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970) 5

Б.В. Норик. «Воспоминания» В.А. Иванова в Архиве востоковедов ИВР РАН 6

А.И. Колесников. Переписка В.А. Иванова с А. Корбэном (1947–1966) 10

А.А. Хисматулин. В. Иванов об учении Ахл-и Хакк 16

П.В. Башарин. Предания о святом Халладже на Памире в контексте суфийской житийной литературы 20

ПУБЛИКАЦИИ

Е.И. Кычанов. Документ из тангутского государства Си Ся на китайском языке 24

Н.В. Козырева. Два клинописных текста начала II тыс. до н.э. из Южной Месопотамии, касающиеся городской недвижимости (YOS VIII 153, YOS XII 307) 28

«Диван» курдского поэта XVIII века Ранджури (транскрипция текста, образцы перевода *З.А. Юсуповой*) 38

ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ЛИЦАХ

Медведева Л.Я. (*Т.Ю. Евдокимова*) 59

Николаева О.С. (*В.В. Щепкин*) 60

Берлев О.Д. (*И.В. Богданов*) 62

ИССЛЕДОВАНИЯ

И.Т. Канева. Вставные предложения (на материале текстов новошумерского периода) 64

С.Р. Тохтасьев. Из комментариев к Константину Багрянородному 75

Е.П. Островская. О предмете буддийской философии 87

И.С. Гуревич. Диахронический аспект анализа языка текстов разных жанров с идентичной сюжетной линией (XIV–XVI вв.): полученные результаты 97

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

И.В. Богданов. Ливанская древесина *ḫntj-š* в египетских источниках эпохи Древнего царства 112

М.И. Воробьева-Десятовская. Академик В.П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) 132

С.Л. Бурмистров. Индийские историки философии в XX веке: выбор позиции 138

Ю.А. Иоаннесян. Понятие «Явителя Божьей воли» в бабизме и религии бахаи 151

О.К. Мехтиева. Из истории общины бахаи в России и СССР. Воспоминания очевидцев 174

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

Я.В. Васильков. Новое о первом русском индологе: письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну 188

К.М. Богданов. Материалы из коллекции Н.П. Лихачева в собрании ИВР РАН 207

Т.А. Черная. Карл Иванович Максимович — выдающийся российский «ботанический востоковед» XIX в. 212

П.П. Муратов. Цикл «Навстречу солнцу»: «Первые дни в Токио» и «Токийская жизнь» (вступительная статья и публикация текста *К.Г. Маранджян*) 242

П.С. Тептюк. Петербургская рукопись макам ал-ʻАббāса и ее «аналог» в Австрийской национальной библиотеке 251

С.М. Якерсон. Ашкеназская рукопись как часть караимской истории. Об одной уникальной находке в Отделе рукописей и документов ИВР РАН 259

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Б.В. Норик. К 125-летию со дня рождения В.А. Иванова. Вклад русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. 268

Е.П. Островская. Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга 271

Т.А. Пан. Дальневосточный семинар при ИВР РАН 274

Т.В. Ермакова. Дни П.С. Палласа в г. Палласовка 276

РЕЦЕНЗИИ

В.Г. Лысенко. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [тексты] (*Е.П. Островская*) 278

А.А. Непомнящий. Подвижники крымоведения (*Л.В. Орел*) 281

Grażyna Zając. Smutna ojczyzna i ja smutny... Kręgi literackie epoki Abdülhamita II w świetle tureckiej autobiografii (*Г. Мишкинене*) 284

В.А. Лившиц. Парфянская ономастика (*М.И. Воробьева-Десятовская*) 286

И.В. Герасимов. История публицистики Судана (*О.Б. Фролова*) 289

IN MEMORIAM

Юрий Ашотович Петросян 292

На четвертой стороне обложки:
Изображения растений из японских иллюстрированных справочников XIX в.
(к статье Т.А. Черной)

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
О.В. Волкова
И.Г. Ким
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

© Российская академия наук, 2012
© Институт восточных рукописей РАН, 2012

Т.А. Черная

Карл Иванович Максимович — выдающийся российский «ботанический востоковед» XIX в.

В статье рассказывается о заслугах К.И. Максимовича в ботаническом изучении Восточной и Центральной Азии, в том числе о его личном профессиональном вкладе в систематику и флористику региона, о создании в Петербурге одного из главных мировых ботанических центров по изучению Японии, о работе академика в качестве международного эксперта и организатора исследований азиатской, и в особенности японской, флоры. Участие Максимовича в становлении современной японской ботаники обсуждается также в аспекте взаимоотношений ученого с японскими коллегами, включая сведения о воспитании россиянином первого японского профессионального коллектора Сугава Тёносукэ. Впервые освещается деятельность Максимовича по обеспечению естественнонаучной литературой отечественных академических учреждений, благодаря которой Россия приобрела ценнейшие ксилографы и рукописи.

Ключевые слова: Карл Максимович, изучение азиатской флоры, русско-японские связи, приобретение японских ксилографов и рукописей.

Карл Иванович Максимович (1827–1891) был одним из самых блестящих российских ботаников второй половины XIX в., признанным авторитетом мировой науки, знатоком флоры огромного региона Восточной и Центральной Азии. В состав этого региона входило российское Приамурье, китайская Маньчжурия и прилегающая к ней значительная часть Китая, Тибет, Монголия и Япония. Уже одно перечисление названий стран, флора которых была «открыта» для Карла Ивановича, говорит само за себя и делает очевидным профессиональный масштаб личности этого выдающегося человека. Однако истинная роль ученого раскрывается лишь при осознании факта, что для упомянутых областей земного шара исследователь был в своей сфере одним из первооткрывателей или даже оказывался подлинным первопроходцем. Карла Ивановича Максимовича можно назвать заслуженным *ботаническим востоковедом,* который, несмотря на свою естественнонаучную специализацию, имеет полное право на признание и уважительную память в широких кругах мирового научного и культурного сообщества.

Будущий академик родился в Туле[1], закончил в Санкт-Петербурге знаменитую немецкую школу «Annenschule», после чего поступил в Дерптский (Юрьевский) университет, где изучал медицину, а также ботанику под руководством известного про-

[1] В происхождении ученого существует некоторая неясность, отмеченная не вполне обычным сочетанием немецкого имени и славянского отчества и фамилии. В XIX в., когда для российского общества привычным и понятным было русское (русифицированное) имя-отчество и немецкая фамилия, такое сочетание вызывает вопросы (тем более что отец Максимовича, вероятно приемный, носил фамилию Тройблут [Treublut]). В настоящее время в Ботаническом институте РАН планируется публикация биографической книги о Карле Ивановиче Максимовиче, и можно надеяться, что вскоре «фамильная тайна» академика будет раскрыта.

© Черная Т.А., 2012

фессора Александра Андреевича Бунге (1803–1890). В 1850 г. после окончания университета талантливый ученик остался «при профессоре» и, в частности, в качестве помощника вел летнюю студенческую практику. Однако уже в 1852 г. Максимович переезжает в Петербург, где по рекомендации Бунге поступает на должность консерватора в Императорский Санкт-Петербургский Ботанический Сад. С этого времени и до конца жизни в профессиональной деятельности Максимовича твердо определяется «восточный вектор».

В октябре 1852 г. молодой человек пускается в кругосветное путешествие на борту фрегата «Диана», который под руководством адмирала Е.В. Путятина (1804–1883) направлялся с дипломатической миссией в Японию. Редкостная возможность посетить Страну восходящего солнца была для начинающего ботанического коллектора очень заманчивой, но вместе с тем это не была лично мотивированная, внутренне обусловленная цель. Судьба как бы обозначила научную задачу, которую в будущем предстояло решать Карлу Максимовичу, но отложила намечавшееся знакомство. Обстоятельства откорректировали путь исследователя, не позволив ему попасть на Японские острова без солидного ботанического багажа. В итоге, после того как фрегат благополучно прошел часть намеченного пути, посетил Рио-де-Жанейро и Вальпараисо и уже был на Сандвичевых островах[2], пришло известие о начале русско-турецкой Крымской войны (1853–1856). Воды Тихого океана, где господствовали флоты союзных Турции государств: Великобритании и Франции, стали опасны для русских кораблей. «Диана» пошла прямо к цели и в начале лета 1854 г. оказалась в японских водах. Между тем ситуация в Ддальневосточном регионе была очень неспокойной: французы и англичане совершали нападения на русские суда, уничтожили факторию на острове Уруп и даже пытались десантироваться на Камчатке. На некоторое время Путятин ушел к русским берегам, где в июле 1854 г. Максимович, как человек гражданский, был вынужден оставить борт корабля. Он высадился на побережье залива Де Кастри и приступил к исследованию Приамурского края. Здесь, в нижнем и среднем течении Амура, в условиях почти первозданной природы, молодой ботаник провел более трех лет. Его жизнь с ранней весны и до поздней осени протекала в полевых условиях, в сложных путешествиях и сборах материала, а в периоды зимовок, не теряя времени даром, будущий академик занимался определением собранного гербария, разбором и осмыслением коллекций.

В марте 1857 г. ученый уже «посуху», через Сибирь, вернулся в Санкт-Петербург и очень быстро, менее чем за два года, написал и опубликовал пионерный фундаментальный ботанический труд *Primitae Florae Amurensis* (1859)[3], сделавший его имя уважаемым в ботаническом мире. Известие о том, что за «Первенцев» присуждена Демидовская премия, застало Максимовича в очередном пути на Дальний Восток, куда он отправился для продолжения исследований. На этот раз в первоначальные планы ученого также входило посещение целого ряда стран, в числе которых кроме Японии были Китай, Индия, Цейлон, а на обратном пути предполагалось длительное морское путешествие и, по ходу парусника, посещение Адена и окрестностей Суэца. Однако Провидение в очередной раз отредактировало составленные людьми планы и сосредоточило внимание Максимовича на российском Дальнем Востоке и Японском архипелаге.

В 1859–1860 гг. исследователь работал в бассейне нижнего Амура, проникая все дальше в «глубины» края. В частности, на весельной лодке он почти на 400 верст(!) поднимался вверх по реке Уссури. Далее, получив еще в Благовещенске разрешение

[2] Ныне Гавайские острова.

[3] «Первенцы Амурской флоры».

китайских властей для свободного плавания по Сунгари в пределах китайской Маньчжурии, увлеченный ботаник проделал трудное путешествие, поднявшись по течению реки на 250 верст. Этот маршрут был особенно опасным, так как местные чиновники не признали разрешение, полученное Максимовичем, и ученому кроме многочисленных естественных препятствий приходилось преодолевать недоброжелательство и прямое противодействие местного населения. В конце концов из-за неоднократных нападений он был вынужден прервать поход, не дойдя всего лишь 15 верст до города Сан-сина[4]. Вернувшись с Сунгари, Максимович с 4 проводниками на подводах отправился вверх по льду Уссури до станицы Буссеевой[5] (примерно в 10 верстах от впадения реки Сунгача), где остался на «весновку». После вскрытия и схода ледяного покрова Карл Иванович возобновил путь, дошел до притока Уссури Ли-фундина и здесь, уже верхом, первым из исследователей пересек Сихотэ-Алинь и вышел на маньчжурское побережье к заливу Святой Ольги.

Заметим, что при всех экспедиционных трудностях и в первом, и во втором путешествии ученый занимался не только ботаническими вопросами, т.е. собирал гербарий, делал необходимые ботанические заметки и вел традиционный путевой дневник, в котором записывал происходившие события. В его наследии остались также особые этнографические тетради о «тунгузских племенах» (с наименованием поселений, описанием и некоторыми схематизированными зарисовками заинтересовавших ученого предметов) и «Этнографические заметки, собранные в 1860 году», а также «Указатель слов из языков амурских народов тунгузского племени»[6]. Кроме того, в бумагах ученого имеются материалы к словарю гиляков и «Указатель слов конологирских тунгусов» («Wörterverzeichniss Konologir-Tungusen»)[7]. Очевидно, Максимович не делал тайны из своих лингвистических интересов, и некоторые путешественники передавали ботанику собственные «словарные заметки», касающиеся названий растений и даже животных, как это сделал, например, географ Александр Лаврентьевич Чекановский (1832–1876), работавший в 1873 г. на Нижней Тунгуске.

Вплоть до начала осени 1860 г. Максимович исследовал побережье Японского моря, а 12 сентября отправился в Японию. К этому времени ботаник уже хорошо знал, что «флора прибрежных стран Восточной Азии находится в самой тесной связи с флорой Японии, которая составляет отчасти её прямое продолжение и уже поэтому заслуживает обратить на себя все наше внимание» (Максимович, 1883, с. 2). Страна восходящего солнца стала для ученого в высшей степени притягательной: здесь он надеялся найти ответ на многие вопросы систематики и географии растений. 18 сен-

[4] Сан-син, который называли также Илан-хала, т.е. Три племени, или Иче-хотон (Новый город), был расположен в устье реки Хульха, или Мутуан, самого большого правого притока Сунгари. В 1859 г. русский купец Чеботарев, первым добравшийся до этих мест, был убит в Сан-сине.

[5] На оригинальных картах маршрута по реке Уссури к заливу Святой Ольги поселение именуется Буссева (СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 1, ед.хр. 52).

[6] Соответственно, «Ethnographica. Tungusenstämme, Ethnographische Bemerkungen in dem Jahre 1860 gesammelt von C.M.» и «Wörterverzeichniss aus der Sprachen der Amur-Völker tungutischen Stammes. Gesammelt in den Jahren 1854–1856, 1859–1860» (СПб отделение архива РАН, фонд 82, оп. 1, ед.хр. 12, 20 и 11). Некоторые материалы, в частности последняя рукопись, использовались в этнографических публикациях Леопольда Шренка.

[7] Возможно, этнографические и языковые интересы пробудились у Максимовича, когда во время первого периода пребывания на Дальнем Востоке он основательно подружился с участником Охотской экспедиции 1853–1857 гг. натуралистом Леопольдом Шренком (1821–1894). Последний, как и его брат Александр, работавший в имп. Ботаническом саду, и как сам Максимович, был выпускником Дерптского университета. Леопольд Иванович, занимавшийся вопросами географии, зоологии и этнографии, и в частности изучением гиляков, впоследствии был избран академиком, а с 1879 г. в течение многих лет являлся директором Этнографического музея.

тября 1860 г. Максимович прибыл на Хоккайдо, который составлял «еще почти целиком достояние аинов, и японская культура едва коснулась южнейшей части его» (там же, с. 155). «Остров Iессо» был особенно интересен для ботанического изучения, поскольку, по словам исследователя, все «то, что растет здесь, без сомнения дико, а не насажено» (там же). В Хакодатэ сбор растений был сопряжен со значительными физическими усилиями и бытовыми трудностями, и Максимовичу даже приходилось содержать для поездок вьючных лошадей. Однако такие мелочи не уменьшали энтузиазма Карла Ивановича, который в течение 14 месяцев с огромным интересом работал на практически не изученной территории. На Хоккайдо российский ботаник стал первым профессионалом, который основательно исследовал флору острова.

В 1862 г. ученый был вынужден подчиниться указаниям руководства Сада и оставил Хоккайдо раньше, чем ему хотелось. Максимовичу пришлось переместиться в южные пределы страны, сначала в Иокогаму[8], а затем в Нагасаки, где согласно новым инструкциям он должен был сосредоточиться на сборе живых растений. По сравнению с Хакодатэ бытовые условия работы в районах с «густым японским населением» были несравнимо более комфортабельными. Во время поездок здесь можно было останавливаться в «чистеньких хороших гостиницах», а также пользоваться услугами садовников, у которых можно было купить массу редкостей. Несмотря на то что общая обстановка была неспокойной и установление контактов требовало усилий, Карл Иванович наладил прекрасные взаимоотношения с местными специалистами. Японские садовники видели и ценили в Максимовиче знатока, которому они позволяли откапывать «в затаенных углах [питомников]… самые их заветные растения». Эти сокровища ученый с огромным удовольствием «уносил с собою, если только запрашиваемые цены не были чересчур любительские» (там же, с. 200).

Однако некоторые вожделенные сады, где росли «самые редкие и совершенно новые *породы*, а не только садовые разновидности» (там же), оставались для Карла Ивановича недоступными. Это были садово-парковые комплексы, окружавшие дворцы владетельных князей разных провинций Японии, которые в соответствии с системой заложничества, существовавшей при Токугава, были обязаны определенные периоды времени жить в Эдо (Токио), причем жить с роскошью, подобающей их положению. Даймё и их семьи обитали каждый в своем квартале, под защитой стен и многочисленной стражи, и доступ в их владения был строжайше запрещен всем посторонним. Максимович «имел сведения» о замечательных ботанических редкостях княжеских садов и умел так заинтересовать своего агента-садовника (в том числе небольшими премиальными), что, по словам ученого, тот «проникал почти всюду и доставлял мне вещи, после меня никем еще не добытые, напр. Podocarpus apressa и caesia, новый Corylopsis и т.д.» (там же, с. 201).

Оценивая ситуацию двадцать лет спустя, Карл Иванович отмечал, что «ныне, после переворота[9]… все эти удельные князья возвратились в свои владения, дворцы их в Iеддо опустели, сады заброшены. Вот, может быть, отчасти почему не ввозится более в Европу стольких новостей, как в мое время» (там же). При отсутствии свободы перемещения по стране сады и садовые питомники были для европейцев важнейшим источником сведений о местной флоре. В этих обстоятельствах весьма существенной причиной истощения потока редкостей Максимович обоснованно считал тот факт, что набор растений, использовавшихся в садовой практике, по сути, был уже исчерпан. В японских садах, в согласии с национальным вкусом и характером, культиви-

[8] В Иокогаме, где путь К.И. Максимовича «на краткий миг» пересекся с путем известнейшего японоведа доктора Зибольда, произошло личное знакомство двух выдающихся исследователей.

[9] Имеется в виду революция Мэйдзи 1868 г.

ровались излюбленные виды, которые бесконечно варьировались, в то время как многие весьма привлекательные местные дикорастущие растения оставались за пределами внимания. В качестве садовых питомцев они находили в Токио покупателей, только если привозились издалека. Например, лилия золотистая (Lilium auratum Lindl.), в изобилии растущая в окрестностях города, несмотря на красоту, в местных садах не выращивалась[10]. Восполняя подобные пробелы, Максимович сам собирал живые образцы в природе и выращивал их с помощью «туземных садовников». Наблюдая «садовую ситуацию» изнутри, российский ученый отчетливо видел, что в ближайшее время ожидать изменения общей стратегии не приходилось, тем более что после открытия страны в Японию попала масса европейских растений, которые находили широкий спрос. Садовникам, по крайней мере, в этот период больше не нужно было искать в родных местах новинки, вводить их в культуру и ждать, когда все затраты окупятся. Европейская мода «вытесняла туземную». К этим своим «околоботаническим» наблюдениям российский ученый присоединил еще одно небезынтересное, на наш взгляд, предположение, касавшееся более отдаленных перспектив японского садоводства. Максимович полагал, что так как «по мере дорожания труда возрастает цена произведений национального садового искусства», то, возможно, что в будущем их «смогут приобретать прежде всего состоятельные люди, а масса народа будет довольствоваться дешевыми цветами наших культур» (там же).

В смутные времена первой половины 60-х годов XIX в. условия для ботанического коллекционирования были в Японии далеко не простыми и не безопасными. Так, в 1863 г. Карл Иванович работал в ситуации постоянной готовности к отъезду, т.е. в обстоятельствах, которые не позволяли обеспечить оптимальное существование живых растений и, в частности, даже вызвали необходимость вернуться в Иокогаму для замены погибших экземпляров. Тем не менее Максимович не только успешно трудился над созданием «зеленой коллекции» Сада, но сумел также удержать интенсивность и масштабы гербаризации, достигнутые им на Хоккайдо. Ботанику удалось собрать обширнейшие гербарные материалы профессионального уровня, примерно на 400 видов превышавшие все, что было к тому моменту описано всеми европейскими исследователями флоры Японии. Ученый привез также 300 видов луковиц и 400 живых растений, которые стали великолепной основой для японского собрания Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада.

Заметим, что в период пребывания Максимовича в Японии, несмотря на «открытие» страны, иностранцы не имели права свободного передвижения и допускались только в районы открытых портов, где могли находиться не далее 10–30 верст от города. Для более глубокого проникновения в глубь территории приходилось нанимать «туземцев», которые собирали фактически наугад. Это было малопродуктивное занятие, и Карл Иванович *обучил ботаническому коллекционированию* нанятого им молодого слугу Сугава Тёносукэ (1842–1925). Тёносукэ был очень привязан к своему нанимателю и не расставался с Максимовичем, несмотря даже на морские переезды, которых очень боялся и не переносил из-за морской болезни. За годы работы с российским ботаником Тёносукэ стал первым в Японии профессиональным коллектором, труд которого оказался незаменимым для ботанической науки. После отъезда ученого японский сборщик гербария по представлению Карла Ивановича был принят на службу Императорским Санкт-Петербургским ботаническим садом и в течение трех лет работал на постоянной основе, собирая растения и семена и отправляя их в

[10] В действительности, лилия золотистая культивировалась в Японии с XVI в., но не как цветочная садовая культура, а как овощное растение, у которого использовались луковицы. В настоящее время этот очень декоративный и вариабельный вид широко применяется в селекции сортов.

Россию. Таким образом, Сугава Тёносукэ стал первым японским гражданином, официально состоявшим на службе российской науки.

Связь с коллектором осуществлялась через российское консульство в Хакодатэ, глава которого Иосиф Антонович Гошкевич (1814–1875) выплачивал сотруднику положенные ему 300 рублей годового жалованья, сообщал инструкции и пожелания Максимовича и писал последнему об обстоятельствах и рабочих планах японского сборщика гербария. Активно работали с Тёносукэ и члены Духовной миссии Русской православной церкви: архимандрит Анатолий, а после его отъезда в Россию (по болезни) — епископ Николай, любезно предложивший Максимовичу свою посильную помощь[11]. Сугава-сан гербаризировал в разных частях Японии, «в местностях, не доступных европейцам» (Отчет Максимовича от 21 марта 1865 г.)[12], причем помнил о предыдущих сборах и старался пополнять коллекции новыми видами. Гербарий упаковывался в ящики и отправлялся или с русскими военными кораблями «кругом света», или через посредство английских торговых домов в Иокогаме и Шанхае. Большую часть пути ботанические посылки обычно совершали «по воде», но иногда им случалось путешествовать главным образом по суше, через Китай и Сибирь[13]. В соответствии с ботаническими правилами Тёносукэ сопровождал собранные экземпляры растений этикетками, которые переводили отец Анатолий и епископ Николай. Некоторое время священникам помогал также многолетний сотрудник русского консульства доктор М. Альбрехт[14], который, как и архимандрит Анатолий, был любителем ботанической науки. Позже к этому кругу присоединились и японские ботаники, например Токуда Созо, разбиравший вместе с отцом Анатолием материалы Тёносукэ. Деловые научные контакты, неустанно поддерживаемые Максимовичем, наполнялись разносторонним содержанием и перерастали в живые, плодотворные и благожелательные русско-японские связи.

В своих отчетах о деятельности Тёносукэ Карл Иванович подчеркивал результативность работы зарубежного сотрудника и, в частности, 11 мая 1865 г. сообщал, что одна из присланных посылок содержала «от 2-х до 3-х дюжин новых растений и хорошие образцы видов, которые ранее были известны по скудным образцам и даже фрагментам» (СПб филиал Архива РАН, фонд 151, оп. 1, ед.хр. 333). В качестве конкретного примера Максимович указывал, что Зибольду было известно 10 пород кленов и что сам российский ботаник привез еще один, а через Тёносукэ предположительно получил еще шесть неописанных, т.е. новых для науки видов. Примечательно, что работа японского сборщика растений не всегда проходила без происшествий. Так, в одном из писем коллектор сообщал, что при попытке собрать семена японского растения Sciadopytis verticillata[15], которые продавались через особых смотрителей,

[11] Епископ не имел возможности «входить в разбор» материалов, но выразил готовность передавать инструкции и отправлять «ящики» «по указанному адресу» (СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 2, ед.хр. 44, письмо от 17 апреля 1890 г.). В 1890 г. даже денежные расчеты с коллектором производились через главу «Духовной Русской миссии», к которому Тёносукэ приезжал в Токио, «лично доставив» собранный в Намбу гербарий (там же, письмо от 4 декабря 1890 г.).

[12] СПб филиал Архива РАН, фонд 151, оп. 1, ед.хр. 809.

[13] Наглядное представление о сложностях пересылки материалов дает уже упоминавшееся письмо епископа Николая от 4 декабря 1890 г. (СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 2, ед.хр. 44). В этом письме епископ сообщает, что «ни одна из здешних пароходных компаний не берет поставку прямо до Петербурга, а берут только до Нью-Йорка или до Лондона» и что «самый скорый путь в Англию» лежит «через Канаду (Canadian Pacific S.S. Co)». По существу, при пересылке коллекций поневоле приходилось быть изобретательным, иными словами искать и находить оказию.

[14] Доктор Альбрехт работал в консульстве с 1858 по 1864 г.

[15] Sciadopytis verticillata — крупное дерево из семейства кипарисовых с красивой пирамидальной кроной. Из-за своеобразного расположения блестящих кожистых листьев растение называют зонтичной со-

из-за вмешательства властей он провел месяц в вынужденном бездействии (Отчет Максимовича от 21 марта 1865 г.)[16]. В том же письме Тёносукэ информировал своего российского патрона об отправке в Россию упакованного в мох живого плаунка (один из видов Selaginella[17]), который являлся подарком Максимовичу от японского садовника. Карл Иванович не надеялся, что растение дойдет до него живым, но ему, по всей вероятности, было приятно получить этот бескорыстный знак внимания и памяти от когда-то сотрудничавшего с ним японца.

После 1866 г. Тёносукэ периодически продолжал работать по заданию Сада, а его последнее выражение преданности и уважения Карлу Максимовичу было высказано при встрече с отцом Николаем 4/16 декабря 1890 г., практически перед смертью академика (СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 2, ед.хр. 44). Епископ писал ученому, что «Чоноске… по всему видно, чувствует себя счастливым служить вам [и] просил меня передать вам его нижайшее приветствие и уверяет вас, что и на будущее время он всегда вам усердный слуга и точный исполнитель всех ваших инструкций и указаний» (там же). Со своей стороны, Карл Иванович ценил «умного и добросовестного» японского сборщика гербария и в его честь назвал многие виды растений. Среди них есть яблоня Тёносукэ (Malus tschonoskii Maxim.), граб Тёносукэ (Carpinus tschonoskii Maxim.), рододендрон Тёносукэ (Rhododendron tschonoskii Maxim.), клен Тёносукэ (Acer tschonoskii Maxim.), жимолость Тёносукэ (Lonicera tschonoskii Maxim.) и ряд других**.** В знак признательности за заслуги перед наукой на родине коллектора соотечественники поставили Сугава Тёносукэ памятник.

В итоге усилий замечательного российского ученого в середине 60-х годов XIX в. в Санкт-Петербурге был создан крупнейший мировой центр по изучению растительного мира Японии, а на базе гербарных коллекций даже был выделен Японский отдел. С 1866 г. Карл Иванович начал публикацию серии работ под названием «Diagnoses plantarum novarum Japoniae et Mandschuriae». В течение 10 лет было опубликовано 20 выпусков *Диагнозов*, в число которых вошли примерно 30 монографических обработок. Эта огромная работа должна была лечь в основание новой «Флоры Японии», которую, к сожалению, Максимовичу не суждено было написать. В середине 70-х годов в гербарные хранилища Сада стали потоком вливаться коллекции русских путешественников: Пржевальского, Пясецкого, Потанина, Певцова и ряда других исследователей. Ученый должен был заняться этими ценнейшими сборами с территории Тибета, Монголии, Маньчжурии и Китая и из-за объема материала вынужденно приостановил работу над японским направлением. На базе вновь поступившего гербария в 1876 г. Карл Иванович начал новую серию трудов — «Diagnoses plantarum novarum asiaticarum», два из восьми выпусков которых (VI и VII, соответственно 1886 и 1888 гг.) все же были целиком посвящены растительному миру Страны восходящего солнца. Кроме названной серии свет увидели также «Flora tangutica» и «Enumeratio plantarum hucusque in Mongolia lectarum», к сожалению всего по одному выпуску первого тома каждого из названий (оба в 1889). Все перечисленные выше работы служили надежной профессиональной базой для изучения флоры восточноазиатских и центральноазиатских регионов. В то же время научная обработка богатейших гербарных коллекций Сада и Музея полностью поглощала силы и время академика, и думается,

сной. Сциадопитис естественно произрастает только в Японии и очень любим в национальной садоводческой, в том числе горшечной, культуре. Широкое культивирование растения предохранило его от вымирания.

[16] СПб филиал Архива РАН, фонд 151, оп. 1, ед.хр. 809.

[17] В годы своего пребывания в Японии Максимович очень интересовался «редкостными экземплярами разных премиленьких Selaginella», за которые «платил по тамошним понятиям бешеные деньги» (Максимович, 1883, с. 200).

что при всем оптимизме он хорошо понимал, что целой жизни упорного труда не хватит для завершения начатого процесса. Выдающемуся ботанику пришлось поступиться своими планами и отсрочить написание *Флоры Японии.* Однако очевидно, что для «ученого с большой буквы» личные амбиции имели второстепенное значение. Во имя науки он «делал, что должно», т.е. настойчиво и неуклонно выстраивал фундаментальные основы познания азиатской флоры.

К этим исследованиям Карл Иванович стремился привлечь новых участников и по возможности расширить круг специалистов, занимающихся растениями региона. На наш взгляд, огромной заслугой академика является распространение «по миру» японского гербария. Дело в том, что упомянутые материалы даже в 80-е годы позапрошлого столетия все еще были редкостью. Европейские научные институты, которые к тому времени располагали гербарными сборами с территории Островов, имели их в ограниченном количестве и практически не могли поделиться с другими учреждениями. Академик Максимович изначально учитывал это обстоятельство и собирал японские образцы во многих экземплярах[18]. После определения составленный его стараниями дублетный японский гербарий был разослан более чем в 20 учреждений Европы, в Китай, США, Индию, на Филиппины, в Австралию. По возможности аналогичным образом Карл Иванович поступал и с материалами из Центральной Азии и Китая. Подобная направленность действий ученого позволяла расширить ботаническую базу для изучения труднодоступных и малоизученных азиатских регионов (прежде всего Японии) и привлечь к ней интернациональные научные силы.

В XIX в. западные ботаники внесли неоценимый вклад в изучение флоры Страны восходящего солнца, и в этом ряду основоположников Карлу Ивановичу Максимовичу принадлежит одно из наиболее почетных мест. В связи со сказанным отдельного упоминания заслуживает тот факт, что, будучи экспертом в своей области, ученый всемерно помогал коллегам, обращавшимся к нему по широкому кругу вопросов. Так, он безотказно консультировал специалистов-систематиков, в том числе при публикации их научных обработок. Заметим, что с российским академиком советовались не только ботаники, но и историки науки, в частности Эмиль (Эмилий Васильевич) Бретшнейдер (1833–1901), который, по его собственным словам, дружил с Максимовичем более 20 лет. В особой статье о друге, помещенной автором в конце его известной книги «History of European botanical discoveries in China», доктор Бретшнейдер, в частности, писал, что в период своего пребывания в Китае он непрерывно переписывался с Максимовичем и много ему обязан за ботанические поправки и разъяснения (Bretschneider, 1898, p. 1069). Ценные советы этот ученый получал от Карла Ивановича и при написании ряда других важных историко-ботанических публикаций. Так, в письме из Пекина от 26.02.1882 (СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 2, ед.хр. 9) Бретшнейдер сообщал о пересылке Максимовичу экземпляра *Botanicon sinicum* (1884–1895)[19] и при этом спрашивал мнение академика по поводу текста десятков конкретных страниц. В частности, он просил сделать замечания относительно главы, посвященной истории ботаники в Японии. При этом Бретшнейдер отмечал, что маленькая эта часть потребовала *годы труда*, так как «синологи» в этой сфере не работали, и до сих пор ничего не было сделано в этой области (там же)[20]. Действительно, в то время, как, впрочем, и сейчас, востоковеды по понятным причинам редко занимались вопросами отдельных естественноисторических наук, и в частности «бо-

[18] Этому правилу следовал и Сугава Тёносукэ.

[19] В этом же письме Бретшнейдер писал также о намерении переслать книгу со следующей «тяжелой почтой» и для библиотеки.

[20] «Nichts war bisher auf diesem Gebiete gearbeitet worden».

таническими» вопросами. Бретшнейдер решился восполнить существовавший пробел, и, хотя свою книгу он «писал больше для синологов, чем для ботаников» (там же)[21], ему приходилось разбираться и в хитросплетениях конкретных профессиональных проблем[22], и в особенностях развития ботанической науки на Западе и на Востоке. В этих обстоятельствах внимание и помощь высококлассного ботанического эксперта были для синолога и историка науки бесценными[23].

Не останавливаясь более на обсуждении связей Максимовича с европейскими профессионалами, обратимся к взаимоотношениям россиянина с японскими специалистами. Круг последних в 60-е и в начале 70-х годов был в Японии крайне узок, но после открытия в Токио первого отечественного университета (1877) число «ботанически ориентированных» натуралистов и возможности их знакомства с трудами Карла Ивановича многократно возросли. К контакту с академиком устремились практически все японские ботаники. Среди них был и знаменитый Ито Кэйсукэ (1803–1901), ученик Зибольда и один из признанных национальных авторитетов естествознания, и молодой профессор Ятабэ Риокити (1851–1899), и уже опытный ботаник Танака Ёсио (1838–1916), и весь новый «ботанический призыв»: Окуба, Тасиро, Токуда, Мацумура, Миябэ, Макино. Для японской «студенческой поросли» Карл Иванович был не просто книжным авторитетом, но учителем, к которому обращались за советом, определением материалов, необходимой литературой. Из Японии и Европы (от обучавшихся там японских студентов) к Максимовичу шел поток писем и посылок с гербарием и публикациями. Академик, загруженный собственной работой, *безотлагательно* определял присланные растения и без задержек сообщал полученные результаты — обстоятельство, которое с благодарностью отмечали корреспонденты ученого. Чаще всего определенные Максимовичем гербарные материалы оставались в России и, таким образом, «усиливали» японский фонд петербургского гербария. Корреспондентам отсылался список названий под номерами, соответствовавшими аналогичным дублетам, которые хранились у японских специалистов. В то же время гербарный обмен был реально двусторонним, и из России в Японию щедро отправлялись сборы из разных, и прежде всего азиатских, регионов. Надо сказать, что эти поступления были очень желанными для японцев, только начинавших создавать свой гербарный фонд. Японские коллеги просили также разъяснений по вопросам систематики и замечаний по поводу издаваемых материалов; необходимыми были для них и собственные работы академика, включая даже отдельные иллюстрации. Так, например, в 1891 г. в одном из двух последних сохранившихся писем (СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 2, ед.хр. 29) профессор Ятабэ благодарит Максимовича за присланные таблицы (изображения) к седьмому выпуску «Diagnoses of asiat. plant»[24] и сообщает, что один экземпляр он оставил себе, а два других передал Макино и Мацумура.

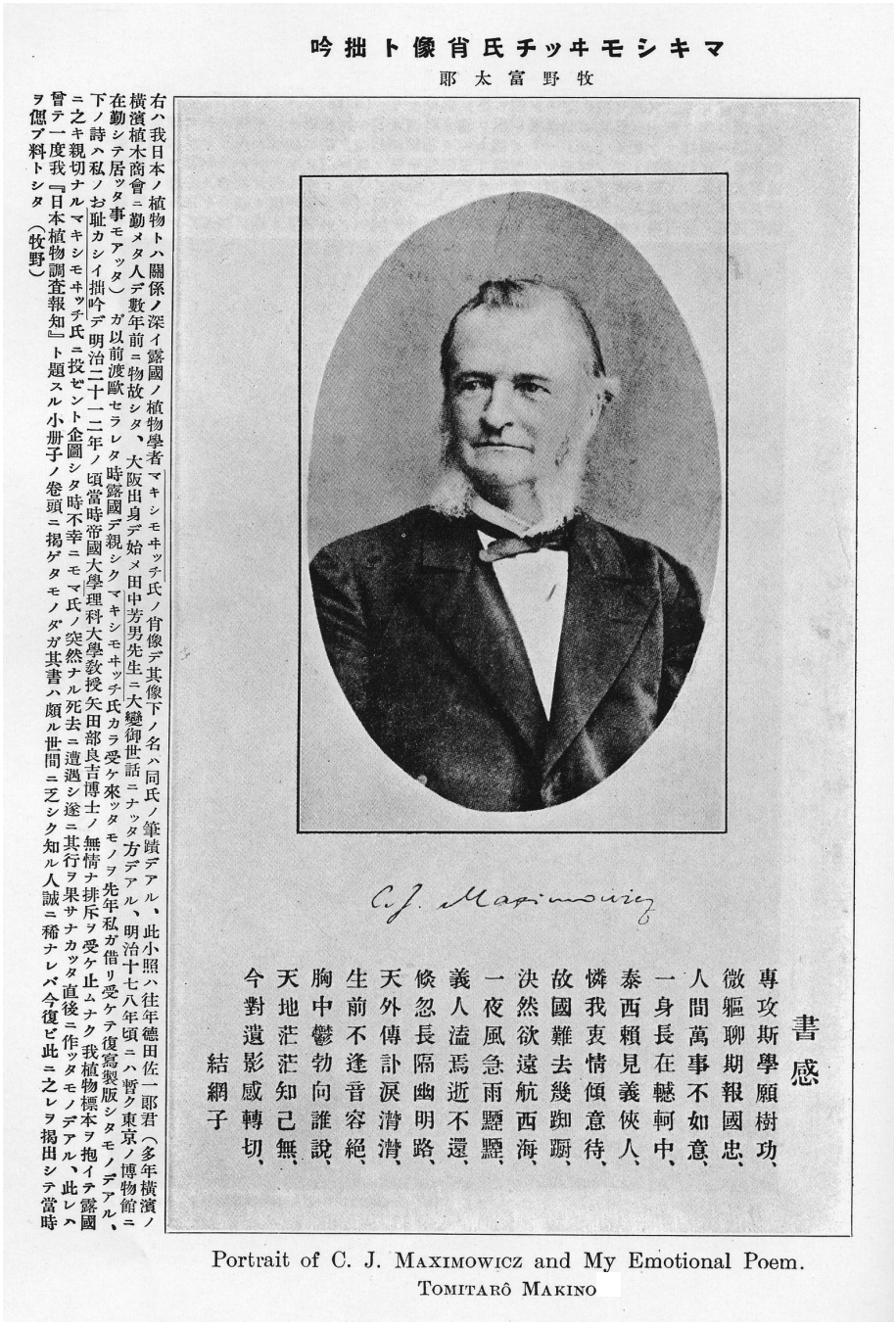
В 1884 г. в Санкт-Петербурге проходил Международный конгресс по ботанике и садоводству, на котором присутствовала и японская делегация. Кроме чиновников в составе этой делегации были ботаники Риокити Ятабэ и Созо Токуда, которые привезли для Карла Ивановича собственные сборы и коллекции своих соотечественников. Японские коллеги были личными гостями Максимовича и в дальнейшем вели с

[21] «Die großte Theil meiner Arbeit ist mehr for Sinologen als Botaniker geschrieben».

[22] В переписке с Максимовичем Бретшнейдер часто обсуждает специальные ботанические вопросы.

[23] Заметим, что Бретшнейдер оставил ботаникам не только свои ботанико-исторические работы, но и гербарные коллекции (особенно с территории Китая), которые и поныне хранятся в соответствующих учреждениях Европы и России.

[24] Латинское название серии работ Максимовича *Diagnoses plantarum novarum asiaticarum* японский ботаник приводит «в переложении» на английский язык.



マキシモヰッチ氏肖像ト拙吟

牧野富太郎

右ハ我日本ノ植物トハ關係ノ深イ露國ノ植物學者マキシモヰッチ氏ノ肖像デ其像下ノ名ハ同氏ノ筆蹟デアル、此小照ハ往年德田佐一郎君（多年横濱ノ横濱植木商會ニ勤メタ人デ數年前ニ物故シタ、大阪出身デ始メ田中芳男先生ニ大變御世話ニナッタ方デアル、明治十七八年頃ニハ暫ク東京ノ博物館ニ在勤シテ居ッタ事モアッタ）ガ以前渡歐セラレタ時露國デ親シク マキシモヰッチ氏カラ受ケ來ッタモノヲ先年私ガ借リ受ケテ復寫製版シタモノデアル、下ノ詩ハ私ノお恥カシイ拙吟デ明治二十二年ノ頃當時帝國大學理科大學教授矢田部良吉博士ノ無情ナ排斥ヲ受ケ止ムヲ得ク我植物標本ヲ抱イテ露國ニ之キ親切ナルマキシモヰッチ氏ニ投ゼント企圖シタ時不幸ニモマ氏ノ突然ナル死去ニ遭遇シ遂ニ其行ヲ果サナカッタ直後ニ作ッタモノデアル、此レヘ曾テ一度我『日本植物調査報知』ト題スル小册子ノ巻頭ニ掲ゲタモノダガ其書ハ頗ル世間ニ乏シク知ル人誠ニ稀ナレバ今復ビ此ニ之レヲ掲出シテ當時ヲ偲ブ料トシタ（牧野）

書感

專攻斯學願樹功、
微軀聊期報國忠、
人間萬事不如意、
一身長在轗軻中、
泰西頼見義俠人、
憐我夷情傾意待、
故國難去幾踟躕、
決然欲遠航西海、
一夜風急雨颯颯、
義人溘焉逝不還、
倏忽長隔幽明路、
天外傳訃淚潸潸、
生前不逢音容絶、
胸中鬱勃向誰說、
天地茫茫知己無、
今對遺影感轉切、

結網子

Portrait of C. J. Maximowicz and My Emotional Poem.

Tomitarô Makino

Рис. 1

Портрет К.И. Максимовича, помещенный Макино Томитаро на фронтисписе Journal of Japanese Botany (1928. Vol. V, № 11) вместе со стихами, посвященными памяти российского ученого

ним переписку, которую можно документально проследить до 1889 г. В доме у академика летом 1889 г. около двух недель гостил Миябэ Кинго (1860–1951), который был очень благодарен ученому за поддержку и помощь. Впоследствии он написал биографию Максимовича, а в 1927 г. стал организатором научной конференции в Саппоро, посвященной столетию со дня рождения российского ботаника.

Ботаническая легенда Японии Макино Томитаро (1862–1957) очень стремился стать учеником Карла Ивановича и на протяжении нескольких лет собирал деньги для поездки в Россию. В декабре 1890 г. через отца Николая он просил у Максимовича разрешения приехать в Санкт-Петербург, чтобы совершенствоваться в профессии. Епископ Николай писал о своем впечатлении от 25-летнего Макино, который показался священнику «симпатичным, по-видимому, очень приветливым и способным» (СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 2, ед.хр. 44, письмо от 4/16 декабря 1890 г.). Епископ «с удовлетворением» дословно и подробно передавал «усердную просьбу» молодого человека, который всей душой стремился к знаниям. Он сообщал, что Макино «на дорогу в Петербург деньги имеет; на прожитье в Петербурге не имеет. Итак, не дадите ли ему какой-нибудь службы по коллекциям или в Ботаническом саду, чтобы он мог там прожить. Из пищи и одежды, говорит он, я крайне невзыскателен, мне только чтобы не умереть с голоду…» (там же). Макино намеревался прожить в Петербурге «года два или три около г. Максимовича и тамошних богатых коллекций», чтобы «изучить прежде всего нашу же, японскую флору, ибо у нас свои коллекции еще очень недостаточны…» (там же). Молодой ботаник хотел также «познакомиться через гербарий» и с флорой других стран, поскольку в Японии это «почти совсем невозможно сделать» (там же). Со своей стороны, он собирался взять с собой и впоследствии оставить в Петербурге собственный «довольно большой гербарий». Макино просил сообщить Карлу Ивановичу, что непременно будет писать ему сам, и объяснял, что передает просьбу о разрешении приехать через епископа Николая потому только, что ему хотелось бы вполне ясно изложить свои намерения и обстоятельства. Молодой ботаник был готов идти на серьезные лишения, лишь бы учиться в столице России под руководством выдающегося специалиста. К сожалению, письмо было отправлено буквально за месяц до смерти академика. Свою скорбь по поводу кончины уважаемого ученого, почитаемого им как учитель, Макино выразил в стихотворении «Выражение чувств», опубликованном почти тремя десятилетиями позже (в 1928 г.) в Journal of Japanese Botany (vol. V, N 11, frontispiece) вместе с портретом Максимовича. Англоязычная подпись под японским текстом гласила: «Portrait of C.I. Maximowisz and my Emotional Poem. Tomitarô Makino». В своем поэтическом произведении, анонимный перевод которого нам удалось обнаружить в СПб филиале Архива РАН[25], Макино писал о желании послужить родной стране и о том, что в этом состоянии он долго «находился в неудачах», пока наконец не «нашелся на Западе справедливый человек», способный помочь в осуществлении мечты.

«…Но в ночь, когда дул ветер свирепый
И шли сильные дожди,
Вдруг не стало справедливого человека.
Он отошел безвозвратно —
Вдруг навсегда он удалился
С пути света к таинственному!
Весть о его кончине распространилась далеко,
И все залились слезами…

[25] СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 1, ед.хр. 60.

При жизни его не успел я с ним
Видеться и слушать жизнерадостный голос его.
Грудь моя полна горести скуки,
Но кому же я могу высказать её?
В мире безгранично великом
Не имею я друга…
Пред портретом, оставшимся после него,
Чувство скорби возбуждается во мне!»

После смерти Максимовича Макино вплоть до 1941 г. продолжал посылать в Петербург-Ленинград гербарные сборы из разных районов Японии. Дань преданной памяти «другу», сохраняемая даже в предвоенный период напряженных, по существу, враждебных отношений между двумя странами, выразительно характеризует личность Макино Томитаро.

Японские ботаники XIX столетия очень высоко оценивали роль Карла Ивановича в развитии отечественной ботанической науки, свидетельством чему стала упомянутая выше конференция в Саппоро. Ранее в докладе, прочитанном на заседании Линнеевского общества 16 июня 1887 г., Ито Токутаро, выразив всеобщее мнение своих коллег-современников, отмечал, что, хотя «many men of science, both in the west and in the east» внесли свой вклад в изучение флоры Восточной Азии, особенно много было сделано «by the laborious studies of that competent authority on the Eastern Asiatic Flora, Dr. C.I. Maximowisz of St.Petersburg» (Ito T., 1888, p. 193)[26]. В наши дни, в 2000 г.,
в Ботаническом саду Макино была организована выставка «Максимович и Макино».

Особого внимания заслуживает пополнение библиотеки Сада и Музея японской естественноисторической и ботанической литературой, которым Максимович занимался на протяжении многих лет. Большую роль играл при этом непосредственный обмен изданиями, весьма интенсивно происходивший между академиком и его корреспондентами с начала 80-х годов XIX в. Так, юный внук Ито Кэйсукэ, Токутаро (1868–1941)[27], в письме от 27.05.1882 сообщает об отправке Максимовичу некоторых работ по естественной истории, подготовленных к 80-летнему юбилею его деда, а также списка японских книг, представленных на выставке, посвященной этой дате (СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 2, ед.хр. 31). Далее молодой человек, без сомнения, «под диктовку» деда предлагает книжный обмен и просит работы «европейских и американских авторов». В то же время из текста сообщения становится ясно, что этот обмен уже происходит, поскольку Токутаро от имени Ито Кэйсукэ благодарит Максимовича за присланные книги (выпуски *Diagnoses plantarum novarum Japoniae et Mandschuriae* за 1866–1874 гг., три вышедшие к тому времени выпуска *Diagnoses plantarum novarum asiaticarum*, несколько монографических обработок, среди которых работы Максимовича и Бунге). Юноша сообщает, что в ответ он посылает через г-на Осада 12 сочинений, список которых тут же прилагается.

В каждом из следующих посланий молодой корреспондент неизменно повторяет просьбу о присылке литературы. В настоящее время сам факт существования активно

---

[26] Доклад был опубликован в 1887 г. также и в виде отдельного оттиска.

[27] Карл Иванович Максимович владел пятью европейскими языками, но в их число не входил доступный Ито Кэйсукэ голландский язык. По всей вероятности, по этой причине, т.е. из-за языкового барьера, переписка с российским коллегой была начата и в дальнейшем продолжена профессором Ито через внука Токутаро, которому в 1882 г. было всего четырнадцать лет, но который знал английский язык. Впоследствии Ито Токутаро стал довольно известным ботаником.

действовавшего (по крайней мере, уже с 1882 г.) прямого канала российско-японского книгообмена естественнонаучной литературы представляет существенный исторический интерес. Однако для нас особенно важно, что в ряде случаев обмениваемые издания конкретизируются. Так, в письме Ито Токутаро от 10.07.1883 имеется список из 10 изданий «в 97 томах»[28], отправленных Карлу Ивановичу как ответный дар японского патриарха за присланные ему от имени Академии 27 работ (СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 2, ед.хр. 30). Основу списка составляют названия источников, записанные иероглификой и транскрибированные латиницей. Эта основа в большинстве случаев сопровождается англоязычным переводом (иногда весьма и весьма свободным), датой публикации (нередко лишь приблизительной) и сведениями о количестве томов. Как это ни странно, имена авторов появляются в перечне сравнительно редко.

В изложении Токутаро «европейская» часть списка выглядит следующим образом:

1. Ono Ranzan. Honzōkōmoku keimo. Revised edition. 1847. 36 vols.
2. Honzōkōmoku keimo dsufu. or Illustrations of Honzōkōmoku keimo. 1848. 4 vols.
3. Somoku kinyōsiu. or Treatise on beautiful leaved Plants. 1827. 8 vols.
4. Siō giō dsu setsu. 30 vols.
5. Somoku seifu. 1823. 3 vols.
6. Yudoku somokudsusetsu. or Illustrations and Descriptions of Poisonous Plants. 1827. 2 vols.
7. Sakamoto Kōnen–Kimpu or Collections of Japanese Fungus. 4 vols.
8. Unkonshi. or Triatise on Japanese Minerals**.** 17 vols.
9. Ohkura Tatsiyuki-Suizokushasin. 1855. 2 vols. 3 copies or 6 vols.
10. Ito Keisuke. Koishikawa Shokubutsuyen Somoku dsusetsu or Illustrations and Descriptions of Plants in Koishikawa Botanical Garden. 3 copies or 3 vols.

Приведенный список дублируется и отчасти уточняется в письме от 21.07.1883 (СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 2, ед.хр. 31). К уточнениям относится указываемое Токутаро число иллюстраций, иногда — отсутствовавшее ранее имя автора, год издания или перевод названия на английский язык, а также некоторые другие детали. Заметим, что часть данных в этих списках, особенно касающихся датировки публикаций, часто грешит неточностью. Так, во многих случаях молодой человек в качестве года издания приводит дату, указанную в одном из предисловий (обычно в первом авторском предисловии).

Даже при беглом взгляде на список высылаемых из Японии книг в глаза бросаются две главные особенности происходившего «ботанического» обмена: во-первых, тематическая свобода японских партнеров, легко преодолевающих границы ботаники, а во-вторых, солидный возраст вошедших в список произведений. Надо сказать, что обе эти особенности объясняются отнюдь не частными обстоятельствами, а объективной ситуацией, существовавшей в тот период в японском естествознании. В 80-е годы XIX в. естественнонаучные дисциплины находились в Японии в начале своего современного пути, и понятно, что ботаническая отрасль не могла похвастаться обилием публикаций, соответствующих требованиям времени. По этой причине за полученные новые и новейшие *специализированные* издания ботаники «отдаривали» Карла Ивановича «чем могли», прежде всего ксилографами, многие из которых отражали предыдущие этапы научного развития и по времени публикации отстояли от современности на десятки лет. Так, из перечисленных выше 10 сочинений только по-

[28] Эта цифра называется самим Ито Токутаро, но она не совпадает с количеством томов, получаемых при подсчете по списку.

следняя работа относилась к современным произведениям (1881–1883 гг.). Эта новая книга Ито Кэйсукэ посылалась Максимовичу, по существу, на предмет отзыва и даже проверки, о чем недвусмысленно говорил Токутаро в письме от 21 июля 1883 г.: «We shall esteem it a great favour if you kindly instruct on the names, of each plants in my grandfather's publication on Illustrations and Descriptions of Plants in Koishikawa Botanical Garden, on which your services shall be very valuable…» (СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 2, ед.хр. 31). Обсуждаемое красочное издание Ито и Каку[29] с дарственной надписью Карлу Ивановичу Максимовичу[30] в настоящее время хранится в фондах Библиотеки БИН. Что касается восьми ксилографов, включенных в круг обмена согласно обсуждаемому списку (номера 1–6, 8–9), то уже к моменту отправки в Россию они были достаточно редкими на ботаническом книжном рынке. К этим изданиям была добавлена *рукопись* (в перечне под номером 7), относительно которой во втором списке Токутаро сообщал, что, по его мнению, эта ценная неопубликованная работа существует еще всего лишь в двух или трех копиях. Заметим, что автором письма особо подчеркивалась *эстетическая привлекательность* некоторых иллюстрированных источников (работы под номерами 9 и 10).

Что касается тематического «разброса», то отчасти он объяснялся все той же скудостью «репертуара», однако зыбкость профессиональных границ, на наш взгляд, не в меньшей степени была обусловлена «живой», не утраченной связью с универсальной почвой естественной истории. Для японских ботаников узкая специализация еще не стала непреодолимой преградой для «сторонних» интересов, и в результате среди отправляемой Максимовичу литературы *естественным образом* оказывались не только ботанические работы, но и труды «примыкающей» направленности (вплоть до сельского хозяйства), а также далекие от ботаники естественноисторические произведения. В перечне Ито Токутаро ярким примером чужеродной тематики может служить хотя бы сочинение о японских рыбах *Суйдзоку сясин* Окугура Токиюки «с раскрашенными таблицами» (в списке номер 9), а также книга о минералах (*Ункonси*, в списке номер 8). Естественно, что подобные «непрофильные» произведения со временем могли и «по справедливости» должны были быть переадресованы в другие академические учреждения. Интересно, что японский ботаник не только сам посылал в Россию книги из разных сфер естественной истории, но и просил в обмен как ботанические, так и прочие, например энтомологические и ихтиологические сочинения (см. письмо от 21.07.1883)[31]. В итоге через Карла Максимовича происходило взаимное пополнение российских и японских книжных фондов по весьма широкому кругу естественнонаучных направлений.

Заметим, что академик Максимович прекрасно понимал особую ситуацию с «запоздавшим» изучением Японии и на этом фоне в ходе книгообмена с готовностью принимал и поддерживал «переходы ботанических границ». Карлу Ивановичу случалось и по собственной инициативе предпринимать усилия для обеспечения японской литературой российских ученых, работавших в других профессиональных областях. Так, среди документов академика в фондах СПб филиала Архива РАН хранится «Доношение в Физико-математическое отделение Академии» (фонд 82, оп. 1, ед.хр. 54), в котором ботаник, находившийся в конце 1868 — начале 1869 г. в Вюрцбурге, ходатайствовал о приобретении для Академии у некоего господина Айзингера (Eisinger)

[29] В списке внук Ито Кэйсукэ не называет имя ассистента–соавтора своего деда.

[30] В упомянутом июльском письме Ито Токутаро сообщает о том, что исполнение иероглифической надписи и её перевод принадлежат ему лично.

[31] СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 2, № 31.

интересного «сочинения на японском языке»[32]. В своем «Доношении» Максимович подробно описывал примечательный трехтомник, название которого он транскрибировал как «Nipon Me san zu». Предлагаемый источник в совокупности содержал 90 представленных в разворот ксилографических изображений видов гор из различных частей Японии и имел к ботанике лишь самое косвенное отношение. Однако ученый вполне обоснованно полагал, что, несмотря на крайне ограниченную доступность текста, иллюстрации книги представляли большой интерес *для географов и геологов*. Автор «Доношения» подчеркивал, что произведение содержит важные данные, которые на тот период никакой другой работой заменены быть не могли и которые, в частности, можно было использовать для сравнения при изучении российского «вулканического ряда» Камчатки и Курильских островов. Нам неизвестно, была ли приобретена для Академии эта книга, но сам факт «непрофильных» книжных забот ботаника заслуживает внимания.

Что касается японских ботанических ксилографов, то в силу все тех же особых обстоятельств, связанных с поздним «открытием» Страны восходящего солнца, для западных специалистов они имели большое научно-практическое значение. Суть этой ситуации Карл Иванович раскрыл на заседании Физико-математического отделения Академии наук 28 ноября 1872 г. Ученый утверждал, что, несмотря на солидный возраст публикаций и «закрытость» языка, рисунки «во всех этих сочинениях для европейских ботаников… доступны…» («Извлечение из протоколов заседаний Академии, 1872 г.», с. 306). Сам же текст, «писанный по-японски, но китайскими письменами, оставался не разобранным, потому что европейские синологи обыкновенно ограничиваются изучением и переводом книг религиозного, философского или исторического содержания» (там же). Таким образом, на наш взгляд, становится очевидным, что для европейцев, которые за небольшим исключением не знали восточных языков, в период первоначального знакомства с Японией рисунки выполняли почти ту же роль, какую многие годы[33] играли для японцев изображения из европейских ботанических источников. В целом иллюстрированные ботанические сочинения позволяли *увидеть* примерно «$^{2}/_{3}$ всего количества явнобрачных, известных в Японской флоре. Отсюда понятно, что для каждого ученого, занимающегося этой флорой, необходимо [было] основательно знакомиться с японской литературой о ней» (там же, p. 307)

При таком положении дел Карл Иванович не мог не уделять внимание японской ботанической книге, и прежде всего книге иллюстрированной. Благодаря сообщению Максимовича на упомянутом выше заседании Академии нам достоверно известно, что во время пребывания в Японии ученый покупал сочинения местных ботаников и таким образом закладывал основы столь необходимой книжной коллекции. Так, например, в 1862 г. им были приобретены 15 вышедших к тому времени томов *Сомоку дзусэцу. Дзэнпэн* («Иллюстрированное описание трав и деревьев. Первая часть. Травы»). Автором этой книги был Иинума Ёкусай (1783–1865), о чем в цитируемом выше «Извлечении из протоколов» не упоминалось. В информации Карла Ивановича издание фигурировало под названием «Соо боку дзъ-сетс-дзен-хен», причем Максимович сообщал, что оно стало печататься «в начале 60-х годов»[34] и что

[32] В отношении языка Максимович указывал в «Доношении», что текст и подписи к иллюстрациям в действительности были написаны по-китайски, но в большинстве случаев «виды гор» сопровождались надписями названий, сделанными от руки катаканой и «европейскими слогами» («in europaischen Silben»).

[33] Особенно на протяжении XIX в.

[34] По данным О.П. Петровой и В.Н. Горегляда (1969, с. 48), годом издания первых 5 томов является 1856, томов с 6-го по 15-й — 1861, а 16–20-й тома печатались в 1862 г.

первый отдел этого сочинения касался трав и состоял из 20 томов. Это было важнейшее для ботаники «сочинение», носившее на себе «в значительной степени печать европейской науки», сообщавшее «латинские и голландские названия» растений, имевшее (по сравнению с аналогичными японскими работами того времени) более «развитый» текст, а главное, «значительно усовершенствованные рисунки» и даже «анализы цветов в увеличенном размере» (там же). Понятно, что подобного рода справочник не мог остаться в Петербурге недоукомплектованным, т.е. неполным. В итоге в настоящее время в библиотеке БИН имеются не только 15 томов первого издания *Сомоку дзусэцу,* купленного лично Карлом Ивановичем, но и все 20 тетрадей вновь вышедшей в 1874 г. первой части доработанного «Иллюстрированного описания трав и деревьев» (*Синтэй сомоку дзусэцу. Куса бу*). Это исправленное переиздание работы Иинума в фондах библиотеки представлено также еще одним неполным комплектом (отсутствуют три тома: 2, 14 и 15)[35].

Пятнадцатитомное собрание первой части первого издания *Сомоку дзусэцу* при внимательном рассмотрении приобретает для современного исследователя особую цену. Этот источник оказывается уникальным носителем индивидуальных исторически значимых характеристик и, следовательно, ценится не только как один из редких японских ботанических ксилографов начала 60-х годов XIX столетия. Издание является свидетелем той живой исследовательской работы, которая проводилась западными ботаниками на территории Японских островов в рубежный для страны период, непосредственно перед революцией Мэйдзи. Доказательством сказанному служат определения, записанные рукой российского ботаника под всеми иллюстрациями книги. Научные названия растений ученый заносил в источник карандашом «в рабочем порядке» и помещал их непосредственно под изображениями. Часть из этих определений фиксировала видовые названия, а часть была доведена только до уровня рода[36]. Последнее обстоятельство может быть связано с процессом освоения флоры, а в какой-то степени может являться следствием ботанического качества рисунков. При разном понимании таксона разными авторами или при наличии конкретных наблюдений Максимович делал краткие примечания и уточнения, обычно записывая их на латыни, но иногда и по-немецки. В ряде случаев сомнения в принадлежности к указанному виду-подвиду или роду были подчеркнуты знаком вопроса. Кроме того, как правило, над страницами с иероглифическим текстом латиницей записывалась транскрипция японских названий. Упомянутые ботанические надписи Максимовича удостоверяют, что ученый активно работал с источником, но не говорят о том, где именно и когда это происходило. Однако, к нашему удовлетворению, во всех томах ботаник оставил также особые записи, безоговорочно подтверждающие, что данное издание, купленное в Японии, там же было немедленно включено в интенсивную работу.

Так, уже в первом томе *Сомоку дзусэцу* академик Максимович на последней странице ксилографа, представляющей изображение Utricularia vulgaris, сделал карандашом немецкоязычную запись о том, что в данном томе зарисованы 39 видов, из которых на 15/IX[18]62 им были собраны 19. Аналогичные подсчеты приводятся и во всех остальных томах сочинения. В последней из имевшихся у него книг (том 15) Карл Иванович подвел некоторые общие итоги своей работы, отразив их (опять-таки по-немецки) в следующем примечании: «В 15 частях изображены виды и разновидности. В части 1 — 39, 2 — 74, 3 — 66, 4 — 59, 5 — 63, 6 — 46, 7 — 85, 8 — 69, 9 —

[35] Шифры обсуждаемых публикаций, соответственно: I55к131, I55к126 и I55к130.

[36] В первом томе, например, это особенно часто относится к роду Veronica, видовые таксоны которого не уточняются иногда даже при наличии элементов анализа генеративных органов растения.

41, 10 — 49, 11 — 73, 12 — 59, 13 — 49, 14 — 37, 15 — 61. [Итого] 870 [таксонов], из которых на 15/IX[18]62 у меня имеется [в части] 1 — 19, 2 — 44, 3 — 37, 4 — 33, 5 — 44, 6 — 25, 7 — 53, 8 — 32, 9 — 19, 10 — 20, 11 — 39, 12 — 27, 13 — 30, 14 — 23, 15 — 34, [Итого] 487 [таксонов]»[37]. Приведенная запись убедительно показывает, каким полезным справочником была для российского ботаника публикация Иинума Ёкусай. После определения иллюстраций *Сомоку дзусэцу* Максимович использовал ксилограф для контроля результатов своей работы по освоению японской флоры и, в том числе для контроля полноты гербарных коллекций.

В пяти первых томах первого издания книги в отпечатанном тексте какие-либо надписи латиницей отсутствовали, но, начиная с шестого тома, появились (хотя не повсеместно) научные названия изображенных растений, а также их голландские названия и некоторые краткие примечания. В доработанной версии (в Библиотеке БИН шифры I55k126 и I55k130) присутствие латинских определений видов, латинских названий семейств, а также транскрипции японских названий растений стало правилом. Эти сведения приводились непосредственно на иллюстрациях, количество которых в соответствующих томах разных изданий оставалось неизменным. В новом издании появился также литографированный портрет автора и дополнительные предисловия, а определения представляемых таксонов были уточнены. Последнее обстоятельство повышало значение источника как справочника, однако в XIX в. для немногочисленных европейских специалистов в области восточноазиатской флоры отмеченные текстовые исправления и дополнения не имели первостепенного значения. Для западных ботаников главным содержанием работы Иинума оставались сами иллюстрации.

Ксилографические изображения *Сомоку дзусэцу* и в первом издании, и в новой публикации были черно-белыми и лишь частично раскрашивались от руки. Большей частью «расцвечивался» только анализ цветка (плода), причем иногда соответствующий рисунок весьма существенно отличался по цвету от ранее обнародованного варианта[38]. В принципе, при ручном способе раскраски тиражирование иллюстраций почти неизбежно приводит к цветовым расхождениям, которые иногда заметны даже не самому внимательному глазу. Однако существенные различия между изданиями могли стать результатом содержательной доработки, и это обстоятельство требует дальнейшей внимательной проверки. В целом в изображениях Иинума заметно сказывается влияние западной рационалистической иллюстрации, но при всем том они сохраняют очевидную и неразрывную связь с национальной традицией. При безусловной научной направленности большинство «портретов» «Иллюстрированного описания трав и деревьев» несомненно обладают художественными достоинствами.

Произведение Иинума Ёкусай на протяжении многих десятилетий являлось важным справочным изданием и неоднократно переиздавалось. Особой популярностью среди ботаников пользовалось третье издание книги под редакцией Макино, который многое сделал для жизнеспособности *Сомоку дзусэцу*. В Библиотеке БИН имеются два экземпляра[39] этого отредактированного и расширенного «Sōmoku-dzusetsu; or an iconography of plants indigenous to cultivated in, or introduced into Nippon (Japan)». Книга вышла в Токио в издательстве Сейбидо в 1907–1912 гг. в 4 томах, каждый из которых соответствовал 5 книгам исходной публикации.

[37] Цифры записаны «в столбик», а итоги подведены «под чертой».

[38] Например, во втором томе первого издания *Сомоку дзусэцу* из фондов Библиотеки БИН цвета элементов анализа на иллюстрации Potamogeton выраженно коричневых тонов, а во втором томе второго издания — зеленовато-голубые.

[39] Шифры 3-к330 и 4-к35.

Рис. 2

Изображение Dicentra spectabilis Lemaire (*Инума Ёкусай*. Сомоку дзусэцу, 1861. Т. 6). На иллюстрации показан цветущий побег, позволяющий составить представление об облике растения. Отчетливо видна форма листьев и сердцевидная форма цветка с наружными лепестками, обладающими шпорцами, в которых растение накапливает нектар. Приоткрываясь, эти «верхние покровы» показывают пару светлых внутренних лепестков. Рядом с основной фигурой иллюстратор помещает также анализ цветка, состоящий из двух препарированных частей. Верхний элемент анализа, лишенный наружных лепестков, позволяет рассмотреть цветок «без верхней одежды», а нижний показывает полностью «обнаженные» тычинки и пестик

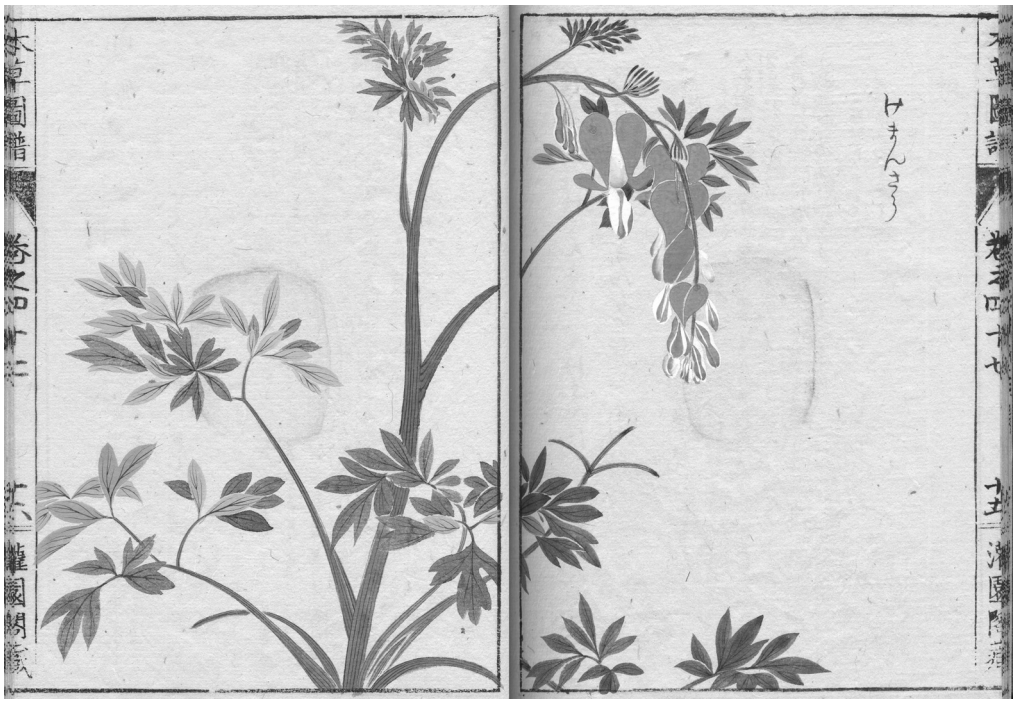


Рис. 3

Изображение Dicentra spectabilis Lemaire (*Ивасаки Цунэмаса*. Хондзо дзуфу, 1843. Т. 47). Иллюстрация в разворот представляет хорошо узнаваемый облик растения с характерной кистью сердцевидных цветков розово-белой окраски. В то же время наружные и внутренние лепестки не прорисованы, а показаны цветом в самом общем виде. Изображение Ивасаки достаточно реалистично, чтобы узнать знакомое многим «разбитое сердце», однако оно не позволяет рассмотреть структуру цветка, чтобы по ней установить родственные связи и найти место растения в линнеевской системе классификации. При существовании близких видов точное определение по такой иллюстрации (т.е. определение до уровня вида) становится практически невозможным

28 ноября 1872 г., выступая перед российскими академиками с кратким обзором японской ботанической литературы, Карл Иванович обрисовал существовавшую в этой сфере информационную ситуацию. Сообщение Максимовича, говорившего о наличии в России и Европе тех или иных конкретных источников, ясно свидетельствовало о скудости обеспечения западной науки упомянутой литературой. Осознавая это положение, Карл Иванович обращал внимание коллег на необходимость приобретения конкретных наиболее важных произведений. Так, наряду с *Сомоку дзусэцу* он выделял еще один ценный иллюстрированный «справочник», отсутствовавший в Петербурге. Речь шла о работе Ивасаки Цунэмаса (1786–1842) под названием *Хондзо дзуфу* («Ботанический атлас»). Экземпляр этого сочинения, хранившийся в библиотеке Ботанического музея, шестью годами позже (в сентябре 1878 г.) просматривал Эмилий Васильевич Бретшнейдер, находившийся в то время в Петербурге. По результатам этого обзора в специальном письме к Максимовичу (СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 2, ед.хр. 9) он сообщал некоторые сведения относительно данного «большого иллюстрированного произведения о растениях Японии» («das grose

japanesische Bildwerke über Pflanzen des Japans»). В частности, Бретшнейдер писал, что работа изначально состоит из 96 глав, или тетрадей, однако первые 4 тетради, насколько ему известно, отсутствуют во всех имеющихся собраниях[40]. Далее Эмилий Васильевич сообщал, что библиотечный экземпляр по факту состоит из 92 томов, причем том, помеченный на обложке номером I, как явствует из текста, в действительности соответствует 5-й тетради (маки)[41]. Бретшнейдер предполагал, что недостающие первые «главы», вероятно, содержат общее введение. Кроме того, синолог констатировал, что травник построен по китайской системе, и обозначил тематику отдельных томов, указав, что, например, тетради 5–8 содержат горные растения, 9–12 — ароматные травы и т.д. В то же время Бретшнейдер не дал никаких сведений об истории создания сочинения[42].

При подготовке к сообщению Максимович не располагал вышеизложенными данными и к тому же сам «справочник» «остался [ему] не известным» («Извлечение из протоколов заседаний Академии, 1872 г.», с. 306). Рассказывая о *Хондзо дзуфу,* ученый (как и в случае с *Сомоку дзусэцу)* не называл автора работы и мог лишь сказать, что отсутствовавший источник «древнее и гораздо полнее» знаменитого «Ква ви» (Каи), «но ниже по исполнению рисунков». Он говорил также, что эта «обширная японская энциклопедия» появилась «уже в конце XVII столетия», а новое её издание «вышло, кажется, в 1828 г. в 96 частях…». Ботаник отмечал, что «первое издание [*Хондзо дзуфу*] имеется в Голландии, а второе вывезено г. Саватье и находится во Франции» (там же).

В действительности, гигантский труд Ивасаки Цунэмаса (Канъэн), включавший свыше 2000 иллюстраций, появился в XIX в., всего лишь немногим раньше *Сомоку дзусэцу.* В большинстве известных нам источников сообщается, что обнародование *Хондзо дзуфу* началось в 1830 г. и продолжалось 14 лет, до конца 1844 г. Проф. Ёдзиро Кимура уточняет эти сведения, добавляя к ним некоторые детали, важные для истории ксилографа. Так, он утверждает, что рукопись произведения была завершена в 1828 г., но первые шесть томов вышли только в 1830 г., причем с отпечатанными, но не раскрашенными иллюстрациями. Раскрашивание производилось вручную при продаже книги, и краски накладывались весьма грубо. Седьмой том подписчики увидели в рукописной форме, как труд профессионального художника, который создавал изображения на основе иллюстраций Канъэн. При жизни автора вышли 56 томов, а остальные были закончены в 1844 г., уже после смерти Ивасаки Цунэмаса. Большинство книг первого издания распространялось в рукописной форме, а полная ксилографическая публикация появилась только в 1916–1921 гг. (Yojiro Kimura, 1993, p. 9–10). Сираи Мидзутаро приводит несколько иные данные (Shirai, M., 1926, p. 13) и сообщает, что тиражирование работы было начато в 1829 г. и потребовало 25 лет.

Как бы то ни было, начало публикации двух обсуждаемых важнейших ботанических справочников было разделено всего четвертью века, что на фоне предыдущей истории развития японской ботаники представляло, по существу, если и не мгновение, то очень и очень короткий временной интервал. Однако в период перемен этого было достаточно, чтобы произведения, основой которых в обоих случаях являлись

[40] Эту ситуацию отражают и современные данные, судя по которым, отсутствие первых четырех томов является распространенной «чертой» сохранившихся в Европе экземпляров первого издания произведения.

[41] Заметим, что карандашная нумерация томов «по Бретшнейдеру», т.е. обозначение исходных номеров «глав» («тетрадей»), которое, как сообщалось в письме (СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 2, ед.хр. 9), было произведено Эмилием Васильевичем в рассматриваемом сочинении, в экземпляре Библиотеки БИН отсутствует.

[42] Свою работу над краткой главой об истории японской ботаники, помещенной в *Botanicon sinicum*, Бретшнейдер выполнит несколькими годами позже.

изображения, оказались принадлежащими к разным эпохам. *Хондзо дзуфу*, ориентированный на систему Бэньцао ганму китайского естествоиспытателя XVI в. Ли Шичженя (1518–1593), по своей сути был именно «древнее» *Сомоку дзусэцу.* Последний шел в ногу со временем, т.е. был ботаническим источником, основанным на признанных во всем мире принципах линневской науки. *Хондзо дзуфу,* несмотря на определенные новации, оставался в прошлом и по своей сути являлся выдающимся памятником средневековой ботаники. Изображения Ивасаки выполняли задачи, присущие *травнику*, и, в принципе, представляли растение с позиций практического интереса. «Портреты» *Хондзо дзуфу* носили вполне реалистический характер, но, в целом, не отвечали утвердившимся научным требованиям. Внимание иллюстратора не было сосредоточено на линнеевской «основе основ», т.е. *на строении* цветов — плодов растения (не говоря уже о практическом отсутствии «анализов»[43]). В подавляющем большинстве случаев важнейшие части цветка (пестики и тычинки) практически не прорисовывались и были показаны на иллюстрациях в самом общем виде. Нередко они лишь обозначались цветовыми пятнами. Художника интересовали любые части и органы «объекта», имевшие цену с позиций практической пользы (прежде всего в медицине). Более того, вегетативные элементы: листья, корни, молодые побеги, клубни — на иллюстрациях *Хондзо дзуфу* иногда явно выходили на передний план. Некоторые жизненно важные растения могли быть подробно представлены на нескольких иллюстрациях, показывающих как внешний облик объекта во «взрослом» состоянии (чаще всего в цветах), так и на ранних, ювенильных стадиях развития, а также отдельно демонстрирующих «частности» в виде плодов или подземных органов. Примером подобного многоаспектного графического описания может служить изображение кукурузы из 41-го тома обсуждаемого «справочника». В то же время многие иллюстрации удовлетворялись показом одного лишь цветка, или только клубней, или вегетативного побега. В целом какой-либо единый содержательный стандарт изображения отсутствовал, и автор был волен поступать по собственному усмотрению, что он и делал, представляя то распознаваемый *облик* растения в той или иной фазе, то лишь его характерные части, практически «весомые» для человека. Далеко не последнее место в распознавании объекта художник отводил цвету, который играл в его иллюстрациях роль «маркера», но в то же время этой «функцией» явно не ограничивался. При знакомстве с работой Ивасаки красота чистого цвета (по крайней мере, в экземплярах Библиотеки БИН) часто вызывает эмоциональный отклик и дарит эстетическое удовольствие.

Что касается отношения европейцев к обсуждаемому травнику, то, несмотря на ботанические недостатки, в начальный период изучения флоры региона изображения *Хондзо дзуфу* делали книгу весьма полезной. Ценность рисунка была для ботаников настолько велика, что академик Максимович, даже зная об относительной слабости иллюстраций Ивасаки, считал необходимым приобрести работу наряду с другими важными изданиями, «недостающими в здешних библиотеках». Об этом ученый уведомлял членов Академии и для приобретения *Хондзо дзуфу* и других отсутствовавших книг предлагал обратиться «к посредству Российской Миссии в Японии, а именно знатока Японского языка и литературы о. архимандрита Николая» («Извлечение из протоколов заседаний Академии, 1872», с. 308). Предложение было одобрено членами Академии, и в итоге искомое произведение оказалось в фондах Библиотеки БИН (шифр I55k125).

[43] «Анализами» ботаники называют представленный на иллюстрации «поэлементный» состав важнейших органов растения, позволяющий понять и наглядно представить их устройство (прежде всего устройство цветка-плода-семени).

Следует отметить, что для современных исследователей первое издание замечательного травника Ивасаки интересно не только с позиций истории ботаники и искусства ботанической иллюстрации, но и как пример, если можно так выразиться, «смешанной техники» публикации. Создание *Хондзо дзуфу* было плодом личного энтузиазма Ивасаки Цунэмаса, и первоначальное обнародование произведения производилась усилиями автора и его потомков за счет средств и возможностей семьи. Эти возможности были ограниченны, и не удивительно, что работа Ивасаки главным образом тиражировалась в рукописном виде. В итоге, в первом издании *Хондзо дзуфу* многие тома содержат лишь элементы ксилографии. Так, в собрании Библиотеки БИН в большинстве книг изображения и сопровождающий их текст выполнены от руки[44], и только рамки иллюстраций, название сочинения и издательства (Канъэн), обозначенные на сгибах листов, тиражированы с досок. В некоторых книгах рукописная иллюстрация изредка «разбавляется» отпечатанными элементами изображения[45]. Встречаются и другого рода сочетания, а именно чередование отдельных раскрашенных от руки ксилографических рисунков и полностью рукописных «портретов» (см., напр., том 70).

К сожалению, в настоящее время издание представлено в Библиотеке не в полном комплекте: тома 1–10, 21, 23–40, 58–63, 71, 79–83 в собрании отсутствуют. К.Г. Маранджян, описавшая коллекцию японских ксилографов Библиотеки БИН в 2010 г., обратила внимание на то, что большая часть отмеченных пробелов имеется в собрании Института восточных рукописей РАН. При этом автору описания фондах примечательным показался тот факт, что издание *Хондзо дзуфу,* зарегистрированное в ИВР под шифрами С-306 и С-174[46], включает книги, отмеченные печатью Обата бунко (библиотека Обата Вахэй), присутствующей на всех томах обсуждаемого травника из собрания Библиотеки БИН. Упомянутый факт позволил предположить, что экземпляр *Хондзо дзуфу*, пришедший в Россию из княжества Кага, «на каком-то этапе был разделен на части, и одна из этих частей попала в ИВР РАН» (Маранджян, 2011, с. 238). Заметим, что источник, хранящийся «по обе стороны раздела», имеет одинаковую японскую бумагу обложек и листов, а в отдельных томах сочинения как в ИВР, так и в Библиотеке БИН (соответственно, тома 21, 25, 29, 57, 77 и 41, 45,49, 53, 85, 89, 93) присутствует еще одна тождественная для разделенных частей киноварная печать, к сожалению пока не прочитанная. Кроме отмеченных обстоятельств есть также весьма убедительный индивидуальный знак принадлежности томов к одному и тому же экземпляру произведения. Так, отдельные «тетради» *Хондзо дзуфу*, хранящиеся в фондах Библиотеки БИН (т. 11, 17, 20, 22, 50), содержат записи, сделанные карандашом рукой академика Максимовича (в основном это названия растений, места их произрастания или латинская транскрипция японских названий). Наиболее «обработанным» является том 17, где большая часть иллюстраций определена ученым до уровня вида. Однако в целом качество изображений травника не позволяло использовать его так же плодотворно, как *Сомоку дзусэцу,* а потому надписи Карла Ивановича в ряде книг единичны и нередко совершенно отсутствуют. Тем не менее в некоторых томах из коллекции ИВР РАН также имеются ботанические автографы ученого (например, тома 23, 28, 29 и др.). Подобные следы деятельности Максимовича окончательно подтверждают факт разделения издания. Вместе с тем**,** даже будучи

[44] В полном объеме (или преимущественно) раскрашенная ксилография представлена в томах 73–75.

[45] Например, обрисованный линией и оставшийся нераскрашенным портрет одного из видов хвоща в 16-м томе.

[46] В *Описании* О.П. Петровой и В.Н. Горегляда (1969) оба шифра закономерно объединены под номером 33.

«объединенными», оба комплекта, взаимно восполняющие многочисленные пробелы, не составляют полного набора томов. К сожалению, в настоящее время трудно и даже вряд ли возможно установить, удалось ли Карлу Ивановичу «заполучить» полноценный, не имеющий пробелов комплект томов первого издания *Хондзо дзуфу.* Во всяком случае, возможность приобрести полную копию произведения в начале 70-х годов XIX в. была довольно эфемерной. Об этом, в частности, сообщает в своей статье Ф.В. Дикинс, который в 1873 г. был не в состоянии купить в Японии сочинение Ивасаки даже за 90 долларов (Dikins, 1887, p. 148).

Обсуждавшаяся выше переписка между российским академиком, профессором Ито Кэйсукэ и его внуком, в свою очередь, удостоверяет ситуацию рассредоточения японских книг, собранных Карлом Максимовичем, по разным учреждениям. Так, из перечня Токутаро, приведенного на с. 12, в Библиотеке БИН отсутствуют не только сочинения по минералогии (в списке номер 8) и ихтиологии (в списке номер 9), но и работы «примыкающей тематики» (в списке номер 4), и даже сугубо профильные произведения (номера 1, 2 и 7). Судя по сопроводительной информации из списков Ито Токутаро и *Описанию* Петровой и Горегляда (Петрова О.П. и Горегляд В.Н., 1969), эти книги, в свое время отосланные Максимовичу, в наши дни являются частью собрания ИВР РАН.

Так, «Honzōkōmoku keimo»[47], классическая работа Оно Рандзан (1729–1810), «исправленное издание 1847 г.… переплетенное в 20 томах»[48] (там же, с. 78–80), которое значится в списках под первым номером, хранится в ИВР под названием *Дзютэй Хондзо комоку кэймо* («Общедоступный перечень лекарственных растений») под шифром С-113[49]. Сочинение это малоизвестно на Западе, что, по нашему убеждению, обусловлено отсутствием иллюстраций. Важнейшее произведение японского мэтра естественной истории осталось за пределами внимания европейских ботаников, и точные и блестящие по стилю описания растений[50] из-за недоступности языка не получили должной оценки.

Вторая работа в списках («Honzōkōmoku keimo dsufu») представлена в каталоге Петровой и Горегляда как *Хондзо комоку кэймо дзуфу* («Общедоступный иллюстрированный перечень лекарственных растений») Иногути Мотиюки по прозвищу Ракудзан (Петрова О.П. и Горегляд В.Н., 1969, с. 77). Это четырехтомное издание, увидевшее свет в 1849 г.[51], Ито Токутаро датирует по предисловию Манаса Тадаси 1848 г., а во втором списке уточняет именем автора «Iguchi Rakuzo». Отметим, что *Иллюстрированный перечень* Иногути был задуман автором как необходимое дополнение вышеупомянутого труда Оно Рандзан.

Под номером 4 в списках Токутаро фигурирует ксилограф без года издания «Siō giō dsu setsu», который Петровой и Гореглядом описан как *Сэйкэй дзусэцу* («Иллюстрированный справочник»)[52]. Авторами сочинения названы Бан и Фудзивара Кунибасира, предисловия которых датированы, соответственно, 1804 и 1802 гг. (Петро-

[47] Латинская транскрипция названий и имен авторов здесь и далее приводится по спискам Ито Токутаро.

[48] Обсуждаемое сочинение Оно Рандзан неоднократно переиздавалось, поэтому информация, цитируемая нами в переводе, служит существенным уточнением. В данном случае её источником является дублирующий перечень Токутаро из письма от 21.07.1883 (СПб филиал Архива РАН, фонд 82, оп. 2, ед.хр. 31). Далее уточняющие сведения используются из обоих списков и цитируются аналогичным образом.

[49] Транскрипция, перевод названий и шифры изданий приводятся по описанию О.П. Петровой и В.Н. Горегляда (1969).

[50] Отзыв Ито Токутаро (Ito T., 1887, c. 229).

[51] Издание хранится в ИВР под шифром С-114.

[52] В ИВР шифр С-131.

ва О.П. и Горегляд В.Н., 1969, с. 28). Во втором списке Токутаро делает примечание относительно названия работы и пишет, что оно «sometimes read Seiku dsu setzu. or Complete treatise on agriculture of Japan with descriptions and Illustrations of several useful plants». Именно это прочтение названия принято Петровой и Гореглядом. Примечательно, что англоязычная версия названия Ито Токутаро как бы указывает на «ботаническую составляющую» произведения, в книгах 16–20 которого дается описание сельскохозяйственных злаков (риса, проса, пшеницы и ячменя) и бобовых, а в книгах 21–30 — овощных растений. В ИВР имеются 27 из 30 томов сочинения.

Еще одно издание из собрания Максимовича, отсутствующее в Библиотеке БИН, значится в списках под номером 7. Это *Кимпу* («Классификация грибов») Сакамото Кодзэн, 1834 г., 4 тома, рукопись (Петрова О.П., Горегляд В.Н., 1969, с. 45)[53]. В первом списке Ито Токутаро сочинение фигурирует под именем автора: «Sakamoto Kōnen–Kimpu. or Collections of Japanese Fungus. 4 vols». Во втором списке Токутаро датирует работу Кодзэн и добавляет ценное примечание относительно редкости сочинения (см. с. 15 данной статьи). Отметим, что на обложке сохранившегося в собрании ИВР первого тома рукописи имеется наклейка с надписью на английском «Kimpu. or Collection of Japanese Fungus. Vol. I by Sakamoto Kōnen (The manuscript)». Насколько можно судить по почерку и некоторым характерным особенностям[54], надпись, по всей вероятности, сделана Ито Токутаро, который владел английским языком.

Произведение минералогической тематики (в списках номер 8) *Кодзё сэкива. Унконси* («Рассказы Сэкитэя на озере. Записи о самоцветах») Киути Косигэ (псевдоним Сэкитэй), 1772–1801 гг., 15 томов[55], по нашему мнению, законно покинуло фонды ботанической библиотеки. В списки Ито Токутаро сочинение включено как «Unkonshi», т.е. первая часть названия (*Кодзё сэкива*) не приводится. Кроме того, количество томов в собрании ИВР и в списке Токутаро не совпадает (соответственно 15 и 17).

Труд по ихтиологии «Suizokushasin» (в списках номер 9), аналогично предыдущей непрофильной работе, также переместился в хранилище ИВР. В каталоге Петровой и Горегляда он описан как *Суйдзоку сясин. Тай-бу* («Точные изображения обитателей водной стихии. Раздел „Морской карась“»). Автором двухтомника назван Окугура Токиюки, год издания в книге не обозначен (там же, с. 63–65). Англоязычный перевод названия, приведенный Токутаро во втором списке («Treatise on Japanese Fishes. Part of Tai»), существенно отличается от перевода Петровой и Горегляда, имя автора транскрибируется как «Ohkura Tatsuyuki», а работа датируется по наиболее раннему предисловию 1855 г. В то же время в списках указано отправление в Петербург трех копий (дублетов) сочинения, что соответствует ситуации в ИВР, где под шифрами С-68, С-69 и С-70, очевидно, и хранится произведение, поступившее К.И. Максимовичу от Ито Кэйсукэ и его внука.

Из четырех ещё не рассмотренных книг списка Токутаро, в Библиотеке Ботанического института полностью «удержались» только три сочинения, обозначенные номерами 5, 6 и 10. Среди них (№ 5) описанный по отдельными томам Петровой и Гореглядом[56] *Сомоку сэйфу* (Характеристика растений), автором которого является

[53] В ИВР шифр В-138.

[54] В обсуждаемой надписи латинская транскрипция японского названия, как и в списках Токутаро, отделена от перевода точкой, вслед за которой в качестве соединительного элемента следует английское “or” («или»).

[55] *Петрова О.П.*, *Горегляд В.Н.*, 1969, с. 69–70. В ИВР шифр И-105.

[56] Там же, с. 34–35 (шифр В-123, т. 1) и с. 57–58 (шифр С-1, т. 3).

Киёхара Сигэоми по имени Бухэй, по прозвищу Тонэри Сигэоми[57]. В Библиотеке БИН в полном соответствии с перечнем Токутаро хранятся три тома 1827 года издания (шифр I55k141). Ито Токутаро в очередной раз датирует работу по авторскому предисловию, а именно 1823 г. Интересно, что английский перевод названия, приведенный во втором списке («Natural history of Trees and Herbs»), расходится с вариантом Петровой и Горегляда, как и с более близкой к нему опубликованной версией 1887 г. самого Токутаро (Ito Tokutaro, 1887, 227): «Habits of Plants» [«Облики растений»]. Отметим, что в своей публикации японский ботаник повторяет датировку работы по предисловию и добавляет имя автора: «Toneri Buchiō».

Далее, в Библиотеке БИН сохранился указанный в списке шестым двухтомник *Юдоку сомоку дзусэцу* («Иллюстрированный рассказ о ядовитых растениях») Киёхара Сигэоми (Сигэми)[58] 1827 г. издания. Маранджян переводит название как «Иллюстрированное описание ядовитых растений» и, как в предыдущем примере, называет автором сочинения Тонэри Киёхара Сигэнао (Маранджян, 2011, с. 231). В англоязычной версии Ито Токутаро (первый список) название переводится как «llustrations and descriptions of Poisonous Plants», что, на наш взгляд, очень точно отражает суть работы, в которой изображения и описания выступают как равноправные составляющие. В собрании Библиотеки БИН имеются 2 издания этого сочинения (шифр I55k147 и I55k152). Заметим, что, несмотря на то что *Сомоку сэйфу* и *Юдоку сомоку дзусэцу* «изначально лежали в одной съемной обложке-папке» (Маранджян, 2011, с. 231), по своему содержанию эти сочинения представляются нам самостоятельными произведениями и, на наш взгляд, правомерно перечисляются в списках Токутаро под разными номерами.

Третья книга, обозначенная в списке номером 10 (шифр 4м-173) и удержавшаяся в Библиотеке БИН, это произведение Ито Кэйсукэ и Каку Хика[59], задуманное профессором Ито как некоторое дополнение к *Сомоку дзусэцу* Иинума Ёкусай. Поскольку вторая часть работы Иинума («Деревья») к тому времени не была опубликована, патриарх японской ботаники на основе растений Сада Коисикава стремился хотя бы отчасти восполнить отсутствие изображений древесных растений. В своей краткой статье об истории японской ботаники Ито Токутаро (1887, p. 229) специально пояснял это обстоятельство, отраженное в названии книги: «Koishikawa Shokubutsuyen Somoku dsusetsu or Illustrations and descriptions of Plants in Koishikawa Botanical Garden». Не говоря уже о присутствии дарственной надписи (см. с. 15 данной статьи), издание Ито и Каку является весьма редким и далеко не всегда упоминается даже в самых серьезных библиографических справочниках.

Последним из обсуждаемых сочинений (в списке под номером 3) является восьмитомная работа Мидзуно Тюкё *Сомоку кинъёсю* («Парчовое собрание растений») 1829 г. издания. В описании Маранджян (2011, с. 229) книга представлена как произведение Мидзуно Таданори или Мидзуно Иссай, а ее название переводится как «Собрание трав и растений с пестрыми листьями». Этот «конкретизированный» вариант перевода утрачивает «благоухание Востока», но становится понятным для западных (тем более современных) ботаников, садоводов и любителей растений. Ито Токутаро именует автором работы «Midzuno Genchin» и, по своему обыкновению, датирует её по авторскому предисловию1827 г. Полный комплект томов *Сомоку кинъёсю* имеется в ИВР (шифр С-171), причем каждый том отмечен наклейкой с именем Ито Кэйсукэ. В *Описании* Петровой и Горегляда (Петрова О.П., Горегляд В.Н., 1969, с. 39) на

[57] В описании Маранджян имя автора — Тонэри Киёхара Сигэнао (Маранджян, 2011, с. 231).

[58] *Петрова О.П.*, Горегляд В.Н., 1969, с. 37–38.

[59] На англоязычном титуле работы: Keisuke Ito & Hika Kaku.

внешних сторонах верхних обложек второго[60], шестого, седьмого и восьмого тома зафиксировано наличие карандашной надписи «Auch im botanischen Garten», означающей, что соответствующие экземпляры имелись также в Библиотеке Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада[61]. В 1931 г. Сад и Ботанический музей, которые раньше являлись отдельными учреждениями, были объединены. Соответственно, объединились и книжные собрания двух библиотек, которые составили единый фонд Библиотеки Ботанического института. Впоследствии в какой-то момент произошло перераспределение иероглифических источников, и полный экземпляр *Сомоку кинъёсю* переместился на новое место хранения, в то время как отмеченные выше четыре тома остались в Библиотеке Ботанического института. Это предположение вполне согласуется с описанием Маранджян, которая указывает, что «в ботанической библиотеке имеются только вводный том и три тома из второй части» (Маранджян, 2011, с. 230).

В числе примеров перехода конкретных изданий из ботанических хранилищ в фонды организаций иной направленности можно назвать еще не одну работу, и среди них — упоминавшийся в переписке Максимовича юбилейный сборник *Кинка окина тэцуэюнси* («Записки, составленные Кинка, старцем почтенного возраста») и трехтомник Аэкия Кинта *Сомоку кихин кагами* («Зерцало редких растений») 1827 г. издания. По логике вещей сборник Кинка, с которого, согласно документам, начался непосредственный обмен книгами между Ито Кэйсукэ и Карлом Максимовичем, как и *ботаническая* работа Аэкия Кинта, отмеченная «экслибрисами» японского профессора («Ито Кэйсукэ»), должны были бы находиться в библиотеке БИН. Однако оба произведения имеются лишь в коллекции ИВР (шифры В-95 и С-112).

Для полного представления о рассредоточении японских источников, собранных усилиями Карла Ивановича Максимовича, необходимо провести более масштабное и детальное «расследование». Однако факты «коллекционерской» деятельности академика и изложенные выше эпизоды истории его собраний позволяют понять, что «ботанический востоковед» Карл Максимович и по своей воле, и по воле обстоятельств[62] внес весьма существенный вклад в книжные и рукописные собрания, которыми в наше время могут гордиться разные академические учреждения, занимающиеся, в частности, изучением Японии.

Среди «восточных сокровищ», собранных Карлом Ивановичем, следует, вероятно, упомянуть также некоторые «хорошо забытые» переводы старой японской ботанической литературы, которые могут послужить весьма полезными пособиями и для ботаников, и для гуманитариев, работающих с ксилографами соответствующей тематики. В числе таких источников особое место занимает перевод *Кау* («Ква ви»), одного «из лучших японских сочинений по части ботаники» («Извлечения из протоколов заседаний Академии, 1872 г.», с. 306). Именно этот первый полный европейский перевод названного ксилографа, выполненный французским ботаником Саватье[63], и стал в ноябре 1872 г. поводом для сообщения академикам «некоторых сведений… о ботанической литературе у японцев» (там же). Заметим, что экземпляр перевода был прислан Карлу Ивановичу до выхода работы в свет, по всей вероятности, для про-

[60] Второй том относится к вводной (сводной) части сочинения.

[61] В 2000 г. мы также отмечали присутствие этих надписей, однако в настоящее время обнаружить их не удалось.

[62] К сожалению, приведенные примеры показывают, что многие решения относительно перераспределения книжных коллекций принимались на фоне полного незнания материалов, а потому не были обоснованными и часто наносили жестокий урон как фонду Библиотеки БИН в целом, так и отдельным изданиям.

[63] Саватье Поль Амадей Людовик (Savatier, Paul Amadée Ludovic, 1830–1891) — ботаник и военный врач, находившийся во французской миссии в Японии с 1866 по 1876 г.

фессиональной консультации. Максимович сообщил присутствующим на заседании ученым, что «из числа европейцев г. Саватье не первый обратил внимание на Ква-ви. Вывезенное из Японии уже Зибольдом в 1830 г., это сочинение было изучаемо Гофманом и Шультесом, составившими словарь китайских и японских названий растений, Микелем, цитирующим весьма часто рисунки этого сочинения в его *Prolusio Florae Japonicae*, и Пфицмайером, издавшим перевод некоторых глав из книги „Ква ви“. Однако первым полным переводом этой книги мы обязаны г. Саватье» (там же).

По всей вероятности, Карл Иванович не знал, а потому не упомянул о более раннем переводе *Кау* на голландский язык. Этот перевод был сделан одним из выдающихся японских натуралистов XIX в. Кацурагава Хокэн (1797–1844) еще в годы пребывания в Японии Филиппа Франца фон Зибольда. Немецкий исследователь настолько высоко оценил труд доктора Кацурагава, что представил его работу старейшему в Азии научному обществу в Батавии — Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen — и первым из японских ученых рекомендовал энтузиаста рангаку для вступления в члены этой уважаемой организации[64].

Максимович дал также краткую характеристику *Кау,* упомянув, что издание «появилось в свете в 1759 г. в 8 частях с превосходными изображениями описанных в нем растений и разделяется на два отдела: травы и деревья» (там же). На наш взгляд, ксилографические портреты *Кау* настолько замечательны по своим ботаническим и художественным достоинствам, что книгу без всякого преувеличения можно считать не только «одним из лучших японских сочинений» своего времени «по части ботаники» (там же), но и образцом искусства ботанической иллюстрации мирового уровня. Авторами описаний и иллюстраторами произведения являлись два выдающихся ботаника: Симада Мицуфуса (Ёнан)[65] и Оно Рандзан, один из трех основоположников японской естественной истории. Впрочем, Карл Иванович и на этот раз не называл имен.

В фондах Библиотеки БИН имеется полный экземпляр *Кау* («Новая редакция собрания цветов»)[66] 1843 г. издания (шифр I55k138), который сопровождается двумя экземплярами перевода Саватье и Саба, озаглавленного *Botanique japonaise. Livres Kwa-wi traduits du japonais avec l'aide de M. Saba par le Dr L. Savatier* и опубликованного в Париже в октябре 1873 г. Один из этих переводов (2-к2137/2) отмечен надписью, сделанной на титульном листе тушью: «Maximowicz 1873. Don de l'auteur»[67]. В очередной раз «на имя» Карла Ивановича коллегой-ботаником была отправлена публикация *японской тематики*, что, вне всякого сомнения, было сделано автором в знак уважения и признательности российскому ботанику за его более чем полезное сотрудничество. В данной книге кроме отмеченной памятной записи сохранились также карандашные пометы российского ботаника, который добавлял латинские названия растений в тех случаях, когда в печатном варианте они отсутствовали в «главках» описаний. В свою очередь, во втором экземпляре обсуждаемого перевода (шифр 2-к2137) многочисленные карандашные надписи «дорабатывают» авторский текст уже в другом аспекте. Каждая из «главок» текста, посвященных конкретным растениям, сопровождается иероглифическими записями и таким образом французский текст оказывается непосредственно связанным с японским вариантом. Вряд ли можно с уверенностью говорить о принадлежности этих «обратных переводов»,

[64] К сожалению, нам не довелось познакомиться с этим переводом.

[65] Симада Мицуфуса принадлежит авторство первых двух томов.

[66] Транскрипция и перевод названия приводятся по описанию К.Г. Маранджян (2011, с. 221).

[67] Верхняя часть надписи оказалась несколько срезанной, что, очевидно, произошло при помещении книги в твердый переплет, который выполнялся уже в России.

но в некоторых случаях к ним присоединяются латинские примечания, судя по почерку, записанные Максимовичем. Кроме того, на восьмой странице книги, после всех предисловий, по всей вероятности, также рукой Максимовича карандашом сделана запись на трех языках. Она начинается пятистрочным французским текстом, за которым следует иероглифическая надпись и две строки, записанные на немецком языке. Обсуждаемый рукописный текст дает краткую информацию о *Со:моку дзусэцу* и его использовании европейскими ботаниками (Микелем, самим Максимовичем, Франше и Саватье). В упоминавшемся обзоре японской ботанической литературы эта информация была доведена до сведения членов Академии. В то же время за рамками сообщения остались указанная в записи конкретная дата публикации первых пяти томов работы Иинума (1856 г.) и имя автора произведения. Заметим, что название источника было озвучено на заседании в той самой форме, как оно фигурирует в записи, а имя автора передано в рукописном тексте точно так, как на «латинской титульной наклейке» первого тома: “Ikuma–yu-ssai”.

Надо сказать, что работа Саватье[68], по отзыву Антона де Барии, была принята европейскими ботаниками без особого энтузиазма (Bary, 1873, S. 830). «Средневековый» японский текст уже не соответствовал профессиональному научному уровню и, по мнению рецензента, имел не столько ботанический, сколько культурно-исторический смысл. Еще более выраженной «гуманитарной» направленностью обладал перевод Августа Пфицмайера (Pfizmaier, A., 1866), с которым второй из упомянутых экземпляров работы Саватье был объединен в любопытном «сборнике», появившемся на свет явно при попечительстве Максимовича[69]. О переводе Пфицмайера Карл Иванович сообщал в своем обзоре в ноябре 1872 г., и, очевидно, эта публикация, украшенная на титульном листе оттиском имени Эмиля Бретшнейдера, также попала в Библиотеку «через Максимовича». Вероятно, для удобства использования академик счёл целесообразным объединение «доработанного» экземпляра «Livres Kwa-wi» Саватье со статьей Пфицмайера. В итоге «ботанический востоковед» собрал воедино имевшиеся в его руках переводы одной из лучших японских ботанических работ. В настоящее время оба источника — аллигат и отдельная публикация Саватье — представляют интерес как для истории науки, так и для переводчиков старой японской ботанической литературы.

В рамках общего очерка невозможно более подробно рассказать и проиллюстрировать примерами разностороннюю деятельность замечательного российского ботаника Карла Ивановича Максимовича. Тем не менее нельзя не упомянуть о заслугах ученого в приобретении Россией личного ботанического наследия знаменитого знатока и пионера изучения Японии доктора Зибольда. В состав этого наследия вошел уникальный рукотворный памятник восточной и европейской культуры, а именно ботаническая иконография доктора «*Flora Japonica delineationibus*»[70]. Без академика Максимовича, который стал инициатором и движущей силой всего предприятия, ни о какой покупке упомянутых драгоценных коллекций просто не было бы речи. Переговоры, которые Карл Иванович провел с наследниками немецкого ученого, его взаимодействие с членами Академии, проявленный россиянином широчайший кругозор и патриотизм, огромный труд, положенный на первоначальную каталогизацию

[68] Интересно, что имя Саба, который не был ботаником и, судя по шрифту на титуле, являлся менее значимым автором, в сообщении Максимовича опускается.

[69] На крышках солидного кожаного переплета обсуждаемый аллигат не имел никаких типографских обозначений, но на корешке золотом «в две строки» было вытиснено: «Kwa-wi», а на общем титуле значилось: «Livres Kwa-wi».

[70] Краткие сведения о собрании см.: Черная, 2011.

материалов и организацию их транспортировки в Петербург, дальнейшее изучение собрания, а также прочие обстоятельства, связанные с этими событиями, составляют славную страницу истории отечественной науки. Эта страница заслуживает отдельного прочтения и в данную статью включена быть не может. В будущем мы намереваемся уделить этой теме должное внимание.

К огромному сожалению современников и потомков, Карл Иванович Максимович скончался в пору полной творческой активности в возрасте 63 лет. В феврале 1891 г. во время своей ежедневной пешей прогулки с Петроградской стороны в Академию он сильно простудился и умер от крупозного воспаления легких. Безвременная смерть лишила общество выдающегося ученого и светлого человека, который немало послужил для своего отечества, для науки и для сближения людей из «разных миров».

Список литературы

Грубов В.И., *Бородина-Грабовская А.Е.* Сотрудничество К.И. Максимовича с японскими ботаниками в изучении флоры Японии // Ботанический журнал. 2001. Т. 86, № 9. С. 148–153.

Извлечение из протоколов заседаний Академии в ноябре 1872 г. Физ.-мат. отделение // Записки Имп. Акад. наук, 1872, т. 21. С. 304–312.

Максимович и Макино. Растения, которые вернулись к Тоса из России: [Каталог выставки]. [Коти, 2000].

Максимович К. Очерк растительности Восточной Азии, преимущественно Маньчжурии и Японии // Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. 1883. С. 2–7, 50–57, 98–105, 151–155, 200–204, 290–292.

Маранджян К.Г. Коллекция японских ксилографов из собрания отдела Библиотеки Российской академии наук при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова РАН // Письменные памятники Востока, 2011. Т. 1(14). С. 220–238.

Петрова О.П., *Горегляд В.Н.* Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. 4. М.: Наука, 1969.

Черная Т.А. Иконографическая коллекция доктора Зибольда «Flora Japonica delineationibus» // Письменные памятники Востока, 2011. Т. 1(14). С. 197–219.

Bary Anton de. Literatur [Ref.] // Botanische Zeitung**,** 1873. Jahrgang 31, № 52. S. 830.

Bretschneider E. History of European Botanical Discoveries in China // L., 1898.

Centennial of the Birth of Carl Maximowicz. Celebrated in Sapporo, Hokkaido, under the Auspices of the Sapporo Natural History Society, November 23, 1927 // Transections of the Sapporo Natural History Society, 1928. Vol. X, pt. 1.

Dickins F.V. The progress of Botany in Japan // The Journal of Botany British and Foreign, 1887. Vol. XXV. P. 147–148.

Ito Keisuke & Kaku Hika. Figures and Description of Plants in Koishikawa Botanical Garden. Tokyo, 1881–1883. 2 vols.

Ito Tokutaro. On the History of Botany in Japan // The Journal of Botany British and Foreign, 1887. Vol. XXV. P. 225–229.

Ito Tokutaro. On a Species of Balanophora New to the Japanese Flora // The Journal of the Linnean Society. Botany, 1888. Vol. XXIV. P. 194–197.

Kimura Y. Siebold and Keiga: Their Careers and Achievements // Siebold's Florilegium of Japanese Plants = Florilegium plantarum Japonicarum Siiboldii: Held in the Library of the Komarov Botanical Institute, a subsidiary of the Library of the Russian Acad. of Sci. St.Petersburg, Tokyo, 1993. Vol. II. P. 9–25.

Maximowicz K.I. Diagnoses plantarum novarum asiaticarum scripsit C.J. Maximowicz: in 3 vols in 8 pts. Petropoli, 1877–1893.

Maximowicz K.I. Diagnoses breves plantarum novarum japoniae et mandshuriae scripsit C.J. Maximowicz. Decas i–x [xi–xx]. Seorsim ex Mélanges biologiques. Vol. vi–viii [viii–xi], qua reexpresse ex Bull. Acad.imp. Sci. St. Pétersbourg, 1866–1876. Vol. x, xii, xv–xvii [xvii–xx, xxii].

Maximowicz K.I. Primitiae florae amurensis. St.Petersburg, 1859.

Pfizmaier August. Die Sprache in den Botanischen Werken der Japaner. Wien, 1866.
Savatier L. Botanique japonaise. Livres Kwa-wi traduits du japonais avec l'aide de M. Saba par le Dr L. Savatier. P., 1873.
Shirai Mitsutaro. A Brief History of Botany in Old Japan // Scientific Japan, Past and Present. Kyoto, 1926. P. 213–227.
Siebold Ph.Fr. Flora Japonica delineationibus ac picturis illustrata cura Ph. Fr. de Siebold. 8 т. [Коллекция изображений японских растений, собранных Зибольдом в 1823–1862 гг. 1054 рис., 9,3–46,0×12,7–65,6 см, европейская и японская бумага; тушь, карандаш, краски.]
Siebold's Florilegium of Japanese Plants = Florilegium plantarum Japonicarum Sieboldii: Held in the Library of the Komarov Botanical Institute, a subsidiary of the Library of the Russian Acad. of Sci. St. Petersburg. Tokyo, 1993. Vol. 1–2
Tchernaja T.A. Japanese Botanical Art and Illustrations from Siebold's Collection. The Treasures of the Library of the Russian Academy of Sciences // The Komarov Botanical Library, St. Petersburg: [Catalogue of the exhibition, 2002–2003 / Selected and supervised by T.A. Tchernaja; Essay and comment. by T.A. Tchernaja. Tokyo, 2002].
Tchernaja T.A. Philipp Franz von Siebold's Flora Japonica delineationibus ac picturis illustrata and Its History in Notes and Inscriptions on the Illustrations // Siebold's Florilegium of Japanese Plants. Tokyo, 1993. Vol. 2. P. 41–54.
Thunberg C.P. Flora Japonica. Lipsiae, 1784.

Summary

T.A. Tchernaja

Carl Ivanovich Maximowicz, a Distinguished Russian "Botanical Orientalist" of the 19th century.

The article outlines a leading role of Carl Maximowicz in the process of scientific research of Asian flora including his personal professional input, creation by him of a major world center concentrating many important botanical collections from Japan and his services as expert and organizer of international efforts for studying Japanese flora. In particular, the relationship between Russian scientist and his Japanese collaborators and colleagues is discussed. For the first time special attention is given to the issue of collecting Japanese wood-block prints and manuscripts.